

Трилогия
в одном
томе

ОЛЕГ ШЕЛОНИН, ВИКТОР БАЖЕНОВ

Царский сплетник

Москва, 2013

ОЛЕГ ШЕЛОНЦИН, ВИКТОР БАЖЕНОВ

Трилогия
в одном
томе

- Царский сплетник •
- Царский сплетник и шемаханская царица •
- Царский сплетник и дочь тьмы •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш42

Серия основана в 2005 году
Выпуск 137

Художники
О. Бабкин, В. Бабкина

Шелонин О. А., Баженов В. О.

Ш42 Царский сплетник: Царский сплетник; Царский сплетник и шемаханская царица; Царский сплетник и дочь тьмы/Послесл. И. Черного. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 728 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1445-1

Чем может заняться удачливый корреспондент, если судьба забросит его в сказочную Русь? Разумеется, начать работать по специальности. Однако амбициозные планы выпуска первой газеты на Руси практически под угрозой срыва. Да и когда Виталику серьезным делом заниматься, если на него столько всего навешано? Он и царский сплетник, и боярин, и глава ЦРУ (Царского разведывательного управления). А если учесть, что в свободное от основной работы время приходится подрабатывать крупным криминальным авторитетом (как иначе Кошья Бессмертного и таинственного Дона к ногтю прижать?) и заниматься такими мелочами, как постоянное спасение отечества от врагов внешних и внутренних, — не то что на газету, на личную жизнь времени не хватит... Особенно если у тебя нет верной компании в составе озорной ведьмочки Янки Вдовицы, вредного кота Васьки, дворового пса Жучка и целой банды сухопутных пиратов.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1445-1

© Шелонин О. А., Баженов В. О., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

• Царский сплетник •

Благодарим Воейкова Виталия Алексеевича, чьи байки из жизни журналистской братии нам так понравились, что у нас тут же родился сюжет, который мы и отдаем на суд читателей.

Авторы

ПРОЛОГ

День у Виталия Алексеевича Войко начался удачно. С самого утра главред «Рамодановского Вестника» собрал весь творческий коллектив в конференц-зале, где уже скопилась куча телевизионщиков, и в торжественной обстановке вручил удачливому корреспонденту, ведущему рубрику криминальной хроники, солидный конверт с премиальными за серию разгромных статей, резко увеличивших объем продаж газеты. Этим дело не ограничилось. После главного редактора слово взял майор милиции и долго рассыпался в неуклюжих реверансах в адрес сознательных граждан, к лучшим представителям которых Рамодановское УВД причисляет теперь Виталия Алексеевича Войко, благодаря журналистскому расследованию которого стало возможным задержание крупной банды контрабандистов, специализировавшихся на торговле антиквариатом. В завершение своей речи майор преподнес Виталику почетную грамоту и именные «командирские» часы.

Лучащийся черной завистью творческий коллектив разразился громом яростных аплодисментов. Виталик мысленно порадовался, что находится сейчас на подиуме рядом с главредом и майором, а не между ладошками своих сослуживцев. Однако не все коллеги готовы были растереть его между пальцев в порошок. Многие девицы из рекламного отдела аплодировали вполне искренне и даже игриво подмигивали, бросая на него благосклонные взгляды. Они явно намекали на то, что вечером совершенно свободны и готовы помочь ему промотать полученный гонорар в любом ресторане на его выбор.

Подборку для своей рубрики на следующий номер Виталий сдал еще накануне вечером, новых достойных для разработки тем пока не намечалось, а потому после торжественной части юноша сразу намылился именно в рекламный отдел. Сидеть тупо за компьютером и ловить завистливые взгляды коллег ему не улыбалось. Гораздо приятнее, распушив хвост, полюбезничать с девчонками из рекламного, а заодно немножко пошабашить. В их отделе народа всегда не хватало, так как зарплата напрямую зависела от процентов с рекламы (а они

были весьма скромные), и потому добровольная помощь со стороны приветствовалась начальством. Был в работе рекламного отдела, правда, один небольшой плюс. Заказчики не всегда требовали обратно образцы своего товара, а потому у рекламщиков в сумке скапливалось довольно много самой разнообразной продукции. В основном это были маски, кремы, пробники, чтобы создать рекламный коллаж, а флакончик хороших французских духов в качестве презента был неплохим аргументом в борьбе за благосклонность прекрасных дам, к которым закоренелый холостяк Виталий относился очень и очень положительно. Ну а если говорить еще проще, то бабник он был еще тот! Ни одной юбки не пропускал, за что его пытались бить неоднократно, но, как правило, безуспешно. Бывший спецназовец срочной службы умел за себя постоять.

Однако с девочками полюбезничать юноше не удалось, так как с порога его перехватил начальник их отдела и сразу затащил в свой кабинет. Виктор Семенович знал, как подвешен язык у Виталика, и, что если он выходил на промысел, минимум два-три заказа у отдела, считай, в кармане.

— А! Пересмешник! — закричал начальник отдела. Виктор Семенович с первых же дней работы Виталия в редакции называл его исключительно по псевдониму, под которым выходили статьи юноши. — Тебя мне сам Господь послал! Слушай, ты у нас сейчас герой. Твоя физиономия на всех экранах только что светилась. Как только ее в фирме увидят, сразу продлят нам контракт.

— Да я вообще-то на свободный промысел хотел... — попытался отбрыкнуться Виталик

— Свободный промысел подождет. Продлишь контракт на рекламу — отблагодарю по-царски.

— Опять в пивнушку?

— Обижает! Гарантирую ресторан.

— Ух как все серьезно, — рассмеялся Виталий. — И с кем у нас проблемы?

— Oriflame, — досадливо поморщился Виктор Семенович, — срок старого контракта истекает, а новый заключать они не торопятся.

— Ладно, заскочу к ним. Сейчас у девочек список не охваченных нашей доблестной рекламой точек возьму, а потом займусь вашим Oriflame...

— Ни-ни! — всполошился начальник отдела. — Знаю я тебя, на подныя около этих вертихвосток зависнешь, а им еще работать надо. Тебе, кстати, тоже.

Пухлые пальцы Виктора Семеновича пробежались по клавиатуре компьютера, зажуужал принтер и выплюнул из своих недр распечатку не охваченных рекламой еженедельника фирм.

— Иди, родной, иди! Но запомни: главное — Oriflame, остальные точки потом в свободное от основной работы время.

Вытолкнув юношу за пределы отдела, Виктор Семенович на всякий случай подпер дверь ногой и замер в ожидании. Он слишком хорошо знал этого оборота и был начеку. Виталий потолкался в дверь с другой стороны.

- Эй! Мы так не договаривались!
- Вот контракт принесешь...
- Жестокий вы человек!

Сообразив, что полюбезничать с девочками сегодня уже вряд ли удастся, парень тяжело вздохнул, и его ботинки застучали по ступенькам лестницы вниз. Редакция располагалась на пятом этаже роскошного офисного здания, но тратить время на ожидание лифта удачливый корреспондент не привык, да и вообще считал, что ножками и быстрее и надежнее.

С Ogriflame Виталий управился быстро. Утренний репортаж телевизионщиков из редакции шел в прямом эфире, и он сегодня действительно был героем дня. Благодаря бесплатной рекламе на ТВ ему везло и на новых точках, а потому задолго до вечера сумка, переполненная образцами продукции рамодановских фирм, уже изрядно оттягивала его плечо, а в ее боковой секции лежала кипа подписанных заказчиками контрактов. Нет, грех жаловаться. День был очень удачный, и его просто необходимо отметить кружечкой хорошего чешского пива в приличном заведении, благо финансы ему сегодня это позволяли. Только от машины надо избавиться. Его убитая рамодановскими дорогами «девятка» у гаишников была на особом учете. В прошлом году он в своих репортажах хорошо прошелся по доблестным блюстителям дорожного порядка, и они жаждали реванша. Зная это, Виталик всегда был начеку, повода для репрессий не давал и в дальнейшем давать не собирался. Закинув свою сумку в багажник, он на мгновение задумался. Бросить машину на стоянке поблизости или загнать ее в гараж? Стоянка вот она, рядышком, а до гаража еще через полгорода катить, огибая пробки и заторы. Рамодановские дороги уже давно не справлялись с резко возросшим потоком машин и вряд ли когда в будущем справятся, так как занятым борьбой за власть и разворовыванием городского бюджета «отцам города» было недосуг заниматься такими мелочами. Вариант стоянки был самый быстрый. Симпатичный пивбар располагался буквально в двух шагах от нее. Вариант гаража удобней. Во-первых, он не платный, а во-вторых, находится прямо во дворе его дома, и завтра с утра проблем с транспортом не будет.

Вопрос: бросить машину здесь или ехать домой — решил телефонный звонок. Мобильник в кармане репортера завибрировал и разразился энергичными трелями. Виталий вытащил трубку, мельком взглянул на незнакомый номер.

- Слушаю.
- Это я, — просипел в ответ хриплый, пропитой голос.

— Кто я?
— Да ты чё? Не узнал? Это я, Хроник.
— Какой еще хроник? — опешил Виталий.
— Вася Привокзальный.
— Тьфу! — душевно сплюнул юноша. — Так бы сразу и сказал.
— Я так и сказал. Ты ж меня все время Хроником зовешь. Я думал, тебе так понятнее будет.

— Ладно, проехали. Да, а почему не со своей мобилы звонишь?
— Да тут один раззява попался. Кстати, хороший мобильник не нужен? По дешевке отдам.

— Да пошел ты! Ишь, барыгу себе нашел! Если только ради этого меня напрягаешь, можешь сразу засунуть себе эту мобилу в...

— Не! Ты чё, начальник. Я ж при понятиях. Это я так, для разговору, а вдруг у тебя мобилы нет?

— Вася, ты идиот? Я тут стою посреди проспекта, балакаю с тобой по сотовому...

— Ну ладно, начальник, чё к словам-то цепляешься? Я ж не просто так трезвоню, а по делу. У меня тут информашка для тебя есть. За пару пузырей могу слить.

— Разбежался. Ты мне сколько раз пургу гнал? Последний косяк и на стопарик не тянул, а ты с меня целый пузырь сдернул.

— Дык раз на раз не приходится! Но ща дело верняк! Ваня Леший в городе объявился.

Виталий встрепенулся, словно гончая при звуках охотничьего рога.

— И что с того? — делано небрежным голосом спросил он. — Я вообще не знаю, что это за кент.

Пересмешник врал. О Ване Лешем он уже был наслышан, но тем не менее врал нагло и беззастенчиво. В самом начале своей репортерской деятельности Виталик усвоил золотое правило: если не хочешь, чтобы твои гонорары целиком уходили на информаторов, сбивай цену до последнего и расплачиваться старайся потом не шуршащими бумажками, а жидкой валютой. Это гораздо дешевле.

— Есть тут один прапор войсковой, — начал пояснять Вася Привокзальный, — крученный мужик.

— Ну и?

— Он тут с одной зумен ща рассекает.

— Вася, какой слог! Возвращаемся к интеллигентной жизни? Что за зумен?

— В годах баба, и явно деловая. На лицо глянешь — перекрестишься. Чисто смертный грех, а Лешак к ней со всем уважением. Обхаживает, словно невесту.

— Ну и пусть обхаживает. Мне-то что?

— Как что? Он ей большую партию оружия предлагает. И видать, оружие какое-то диковинное, навороченное.

— С чего ты взял?

— Так там суммы жуть! Я такие только по телику в боевиках видел. Ну которые у нас на вокзале крутят... Э, а я не продешевил? За такой расклад два пузыря... не, не пойдет. Ящик смирновки с собой вези.

— Да ты совсем оборзел, ханурик! — возмутился Виталий.

— Так дело-то какое! На миллиёны тянет!

— Вася, одна пятилитровая баклажка, и все!

— Чистого?

— Чистого.

— Согласен! Эх, гульнем!

— Где будет передача товара?

— Записывай координаты, Лексеич. Станцию сортировочную знаешь?

— Ну?

— Есть там за путями, где составы сцепляют, закуточек один.

— Да там этих закуточков...

— Возле старого склада. Да я тебе покажу. Там и схорониться есть где, и аппаратуру пристроить. Целую фильму снять можно — никто не заметит. Вот там сегодня вечером они по рукам и ударят.

— Вася, эта территория военными охраняется. Там вроде как военные составы формируют.

— Да какая там охрана? Два сонных борова с автоматами. Тьфу! Я там пару дырок знаю. Шмыгнем, и никто ничего не заметит. Но ежели чего, ты меня не знаешь, я тебя не знаю.

— Мм... ладно. Договорились. Тебя где ловить?

— Как обычно.

— Жди, через полчаса буду.

Виталий отключил телефон, сунул его обратно в карман и азартно потер руки. Если так дело пойдет и дальше, то скоро его потрепанную «девятку» можно будет сменить на более престижную машину. Как и положено приличному репортеру, у него всегда все было с собой. И аппаратура, и жидкая валюта аккуратно лежали в багажнике в ожидании своего часа, а потому юноша направил своего железного коня напрямик на вокзал Рамодановск-2. Рамодановск был главной транспортной развязкой огромного края, на территории которого вполне разместилась бы пара таких стран, как Франция, да еще и Великобританию воткнуть туда же до кучи, а потому одним железнодорожным вокзалом город обойтись не мог. Богатой фантазией «отцы города» (что прежние, что нынешние) не отличались, а потому назвали их просто — Рамодановск-1 и Рамодановск-2. Вот на последнем-то и обосновался бывший артист Вася Привокзальный, давно уже ведущий полубомжевой образ жизни. Свою однокомнатную квартирку-развалюху он сдавал внаем, выручку честно пропивал, не брезговал поживиться мелким воровством, а когда деньги кончались, мог за стакан поделиться свежей информацией со дна с теми, кто в ней нуж-

дался. Разумеется, не со всеми. Вася был не так глуп, как на первый взгляд казалось, и обладал звериным чутьем на опасность. Спившийся артист интуитивно чувствовал, с кем можно иметь дело, а кто, в случае чего, его сразу сдаст. Он быстро перенял блатную феню (улица чему только не научит), начал косить под мелкую безобидную шуштуру, а его артистические способности, умение расположить к себе собеседника и остатки не до конца еще пропитого интеллекта помогали удерживаться на плаву и ни разу не попасться. Узнай деловые об его «коммерческих» связях с Виталием, и Васе конец. Разумеется, эти самые деловые Васю Привокзального во все свои секреты не посвящали, кто он для них такой? Но слухами, как говорится, земля полнится, а Вася умел держать нос по ветру, впитывал в себя свежую информацию как губка и всегда был в курсе последних событий.

Своего информатора Виталий заметил сразу. Изнывающий от жажды Вася ошивался у входа в вокзал, нервно смоля сигарку. Заметив машину Виталия, он сразу швырнул окурки в урну и направился в сторону сквера, примыкавшего вплотную к территории вокзала. Виталий припарковал машину, извлек из багажника черный целлофановый пакет, внутри которого пряталась пятилитровая баклага спирта, и неспешной походкой двинулся следом. В целях безопасности место для встречи Вася Привокзальный всегда выбирал сам и никогда не ошибался. Тенистый скверик был практически пуст, если не считать пары пожилых женщин с баулами, дожидавшихся своего поезда, и дрыхнувшего в кустах пьяного бомжа.

— Ну что, командир, где? — нетерпеливо ерзал на лавочке Вася Привокзальный.

— Держи свой бурбулятор.

Виталий плюхнул пакет на колени информатору и сел рядом. Вася тут же извлек из кармана потрепанного пиджака стакан, наполнил его до краев и жадно выпил.

— Э, чистый же!

— Нормально! — просипел Вася, вытащил из другого кармана бутылку пива, зубами скovyрнул крышку, и темная жидкость забулькала в его глотке.

— Ну ты синюк, — покачал головой Виталий. — Баклажку-то убери, не свети.

Василий суетливо затолкал пятилитровую емкость обратно в пакет.

— Слышь, начальник, откуда такой нектар берешь?

— Места надо знать. — У Виталия был выход на этот живительный источник, который ему обходился практически в сущие копейки, и делиться этим каналом желания не имел. — Давай о деле.

— Давай. — Вася извлек из бокового кармана своего пропыленного пиджака мобильный телефон. — Во, шеф! Еще одна фляга, и он, считай, твой!

— Да достал ты уже! — возмутился Виталий, однако, увидев телефон, невольно заинтересовался. Это была одна из последних моделей Nokia бизнес-класса. С навигатором и прочими прибамбасами, она тянула на штуку евро. Это Виталий знал точно, так как в багажнике его машины лежал договор на рекламу именно таких моделей. — Слышь, придурок, а ты уверен, что за этот телефон ни тебе, ни мне потом башку не открутят?

— Не, — уверенно мотнул головой Вася, — он уже готовый был! Решит, что потерял.

— А ты мне еще с него и звонил... идиот! Ладно. Семь бед один ответ. В случае чего, скажу, что какой-то божж предложил мне его купить по дешевке. А чтобы убедиться, что он работает, сделал звонок на мой мобильник.

Виталий спрятал телефон в карман и демонстративно уставился на Васю.

— Ну чего сидим, кого ждем?

— Так это... за телефон-то.

— Я тебе что, склад ходячий? И еще неизвестно, чем вся эта бодяга с мобилой закончится. Откуда я знаю, какого олигарха ты обул? Если все пройдет нормально, потом рассчитаемся. Так мне долго еще ждать?

— Ща, только пампурик в камеру хранения скину, и пойдем. Жди здесь.

Вася подхватил пакет с флягой и засеменил в сторону выхода из сквера...

Вася Привокзальный не подвел. Место для засады показал идеальное. Между бетонной стеной, отделявшей сортировочную станцию от внешнего мира, и стеной давно заброшенного двухэтажного здания склада можно было расположиться со всеми удобствами, укрывшись за грудой полусгнивших деревянных ящиков и остовами каких-то ржавых то ли машин, то ли станков. Здесь все вокруг густо поросло бурьяном, и, что самое главное, отсюда прекрасно просматривалась площадка, на которую не составляло труда подогнать несколько машин и загрузить их так, что со стороны станции сортировочной никто ничего не заметит. На эту площадку Виталий и нацелил установленную на крыше склада камеру с инфракрасным объективом для ночной съемки. Это был, так сказать, резерв главного командования. Камера включалась дистанционно. Если придется быстро уносить ноги, информация не пропадет. За ней потом всегда можно вернуться. Он уже был ученый. Пару раз Виталика в подъезде поджидали герои его репортажей, недовольные творчеством ретивого корреспондента. В первый раз его выручила спецназовская выучка, во второй раз нарвался на профессионалов, против которых ничего не смог, и два месяца про-

валялся в больнице с пробитым черепом. С тех пор на дело он без травматического пистолета не ходил и сейчас, сидя в засаде, держал его под рукой. Проверив вторую видеокамеру, которой, в случае чего, можно будет пожертвовать, Виталий настроил и ее на ночную съемку, так как уже начало темнеть, и примостился за ящиками поудобней. Внешность Вани Лешего и его «вумен» Вася описал очень подробно, так что оставалось только ждать. Ждать пришлось долго. Репортер успел усидеть пару бутылок пива под шаурму и незаметно для себя задремал. День выдался все-таки хлопотливый.

Разбудили его тихие голоса и лязг металла. Встрепенувшись, юноша протер глаза, торопливо извлек из кармана пульт дистанционного управления, включил видеокамеру на крыше склада, после чего начал ловить в прицел объектива второй камеры героев будущего репортажа и мысленно чертыхаться. В небе сияла полная луна, и в ее серебристом свете все прекрасно было видно и без ночной оптики. Как это отразится на качестве съемки, он не знал.

Около двух навороченных иномарок стояла женщина в черном платке. Насчет того, что она страшна, как смертный грех, Вася Привокзальный соврал. Дама хоть и в годах, но все было при ней. Единственное, что ее портило, — это зубы. Они были кривые. И когда она улыбнулась, отвечая на какую-то реплику низкорослого бородатого мужика, у Виталика прошел мороз по коже. Юноша поспешил перевести камеру на собеседника «вумен». Точно. Это он, Ваня Леший, выросший до глаз бородой. Такая борода лопатой в Рамодановске только у него, и, если б не чисто славянская внешность, его можно было бы принять за абрека с гор. Одиозная личность. Бывший прапор, безбашенный авантюрист, который так ловко проворачивал свои дела, что ни разу не смог попасться на крючок спецслужб. Хотя при нынешней коррупции это неудивительно. Возможно, просто умеет правильно делиться. Так, а что у него в руках? Виталий настроил камеру на максимальное увеличение, пытаясь понять, что за оружие демонстрирует прапор клиенту. Опаньки! Снайперская винтовка с оптическим прицелом и глушителем. Стандартная СВД. И чего в ней такого навороченного? За что бешеные деньги? Вот разве что партия большая. Виталий уменьшил разрешение, чтобы охватить теперь картину целиком, и дисплей видеокамеры выхватил третье действующее лицо, присутствующее на сделке. Это была стройная девушка в спортивном костюме и черных очках. Она внимательно слушала Ваню Лешего, азартно рекламировавшего товар, и... Да, точно! Бывший прапор, кажется, учил их им пользоваться! Нет, не их. Только девушку. Однако! Это что ж за клиенты такие забавные? Девушка на киллера, что ли, готовится? Или, как «Ворошиловский стрелок», решила за что-то мстить? А что, запросто. Бородач вон конкретно объясняет ей: как заряжать, куда смотреть, на что нажимать... Ну и ну! Становилось все интересней.

Внезапно Ваня Леший вздрогнул, повернул голову и устался на груди ящиков, за которыми Виталий устроил свой наблюдательный пункт. Синхронно с ним в том же направлении посмотрели и его клиентки. В том, что увидеть его в этом укрытии невозможно, юноша был уверен: слишком далеко, да и темно здесь! Однако его явно почували. Виталика прошиб холодный пот. Как засеки, черт возьми?

Ваня Леший бросил в багажник машины винтовку и... исчез. У Виталия глаза полезли на лоб. Куда он делся? Оторвавшись от камеры, сужавшей обзор, он схватился за травматический пистолет, снял его с предохранителя и начал озираться. Прапор как сквозь землю провалился. Пока он крутил головой в поисках Вани Лешего, исчезли и его клиентки. Внезапно пистолет, обрета самостоятельную жизнь, вырвался из руки корреспондента и отлетел в сторону.

— Ну что, касатик, вставай, — проскрипел за его спиной чей-то ехидный голос.

Виталий медленно повернул голову, ожидая увидеть Лешего, но над ним стояла «вумен».

— Я тут это, — залепетал застигнутый врасплох корреспондент, — по мелкой нужде.

— Ну да, — не стала возражать «вумен», одарив его такой улыбкой, что Виталику действительно захотелось по этой самой нужде. — Только, судя по позе, нужда у тебя крупная. Прямо в штанах нужду справляешь? Ай-яй-яй! Нехорошо такими делами в общественных местах заниматься.

— Я, если надо, штраф могу заплатить.

— Заплатишь, касатик. За все заплатишь, не сумлевайся.

Опасливо косясь на нее, Виталий начал подниматься, и тут слева от него послышался шорох. Юноша рывком повернул голову на новый источник звуков и получил по затылку сокрушительный удар...

Судя по тому, что он услышал, когда начал возвращаться слух, без сознания он был недолго.

— И что с ним делать? — рыкнул Лешак, вертя в руках документы Виталия. — Корреспондент краевой газеты. Вот ведь вляпались! Может, подскажешь чего, бабушка?

— Убивать нельзя, — вздохнула старушка. Теперь, вблизи, сквозь щелки глаз, юноша прекрасно видел, что это именно хорошо сохранившаяся старушка, а не балзаковского возраста мадам.

— И в живых оставлять нельзя, — сердито буркнул Ваня Леший, — это ж борзописец. Его сегодня в утренних новостях показывали. Это же он клиентов Костлявого за решетку упрятал. Дело о контрабанде антиквариатом.

— Ну надо же, какой шустрый мальчик, — удивилась старушка.

Прапор засунул документы обратно в карман Виталия, извлек оттуда же навороченный мобильник неведомого олигарха, которого об-

чистил Вася Привокзальный, и начал довольно профессионально копаться в списке абонентов.

— Ого! Какие у него контакты, однако! Странно... да тут одни деловые!

— Любопытно, — пробурчала бабулька.

— Так что делать-то? — окончательно растерялся прапор. — Убивать нельзя и так оставлять нельзя. Что делать?

— Не волнуйся, Лешенька, — успокоила его старушка, — не оставим. Сделаем так, что и жив будет, и здесь его никто не найдет.

— Правильно мыслишь, бабушка, — услышал Виталий тихий, нежный голосок.

Стройная девица склонилась над корреспондентом, сняла с себя черные очки, и он начал тонуть в ее бездонных глазах, светящихся в темноте колдовским зеленым светом, под плавный речитатив старушки:

— Заведет тебя тропка дальняя до места заветного...

ГЛАВА 1

Солнечный зайчик плыл по подушке, медленно, но верно подбираясь к лицу юноши. Вот он добрался до его подбородка, пощекотал ноздри, коснулся ресниц. Виталий завозился на кровати. Лоскутное одеяло упало на пол. Веки юноши затрепетали. Он протяжно зевнул, открыл глаза и тут же подскочил как ошпаренный, сообразив, что отдыхать изволит не в своей уютной спальне. Перед глазами сразу поплыло, и он поспешил сесть обратно на постель. «Черт! Я что, вчера надрался? Вроде не было такого. Пара бутылок пива, и все. А что было? — Перед мысленным взором газетчика встали зеленые глаза красавицы. Юноша судорожно вздохнул. — Вяпался», — сообразил он и начал озираться.

Бревенчатые стены, под ногами деревянный пол, резное окошко в старорусском стиле, массивная дубовая кровать... Да-а-а, влип! На ограбление, конечно, непохоже, а вот на похищение — да. Виталик устался на деревянный стул около окна. На нем лежала аккуратно свернутая одежда газетчика, а рядом стояли его пухлая сумка и легкие летние ботинки. «Блин! Это они и мою «девятку» обшмонали?» Юноша точно помнил, что сумку с рекламным коллажем он с собой в засаду не брал. Она оставалась в багажнике машины.

Сам Виталик сидел в одних трусах на пуховой перине, пытаясь сообразить, что это за странное похищение: окошко нараспашку, дверь полуоткрыта... нет, на тюремные казематы или восточный зиндан эта горница явно не тянет. Опять же вещички здесь. Все цело.

В том, что цело не все, юноша убедился, сделав ревизию сумки. Парфюм, договора были на месте, и даже обе видеокамеры похитите-

ли в нее запихнули, а вот удостоверения личности и пистолета, которым он так и не сумел накануне воспользоваться, не было.

В принципе Виталику не впервой было просыпаться в незнакомом месте. Частенько, продрав глаза, он с удивлением обнаруживал себя в одной постели с голой девицей и на вопрос: «Э, а ты кто?» — получал звонкую пощечину. Как правило, в такие ситуации он влипал с дикого бодуна, но здесь расклад явно иной. Виталий торопливо оделся, подкрался к двери и, стараясь не дышать, выглянул наружу. В коридоре было пусто, но откуда-то снизу слышались приглушенные голоса. Парень подкрался к лестнице, выполненной, как и все здесь, из дерева. «Ну точно, кто-то из новых русских под старину косит», — сообразил он. Если второй этаж состоял из горниц, то первый — натуральная гридня для приема гостей и пиров. В центре гридни стоял большой стол, около которого сгрудились шесть мужиков славянской наружности. Одеты под стать терему, в котором находились: алые кушаки, подпоясавшие длинные белые рубахи, из-под них спускались мешковатые штаны, заправленные в яловые сапоги. Из образа русских мужиков выбивали только расписные тубетейки на головах.

Виталий потряс головой, разгоняя туман. Он все никак не мог привести себя в чувство. «Может, они мне чего вкололи? — мелькнула тревожная мысль. — А что, запросто. Чтоб лежал тихо и не трепыхался раньше времени. А на что это они уставились?» Юноша напряг зрение. На столе перед мужиками стояла большая чаша то ли с супом, то ли с отваром из каких-то трав, рядом лежал огромный круглый поднос, по ободу которого шустро катился желтый шарик... нет, не шарик — яблочко! Черная поверхность подноса на глазах начала светлеть. Вскоре на нем появились какие-то смутные контуры. Они становились все четче и четче. Изображение постепенно наливалось красками, и вот уже в нем отразилась девушка с цветком в руке, завернутая в розовую шелковую ткань. Девушка неспешной походкой шла по деревянному настилу моста через узкую речушку. «Бред! Неужели в больничку попал? Глюки, точно глюки! А эти с кушаками — санитары. И не рубахи на них, а халаты. Не дамся!»

Соображал Виталий все же плохо, так как ничего умнее элементарного побега из больнички придумать не смог. На цыпочках вернувшись обратно в «палату», юноша выглянул в окно. Второй этаж. Не так уж и высоко, но аппаратура побьется. «Нет уж, на фиг, я не так богат, чтобы японскими камерами расшвыриваться». Сдернув с постели простыню, «больной» располосовал ее вдоль на три части, связал вместе и на этой импровизированной веревке аккуратно спустил вниз свою сумку с рекламным коллажем и аппаратурой. Виталий собрался уже перемахнуть через подоконник вслед за своими шмотками, как взгляд его затормозился на девушке, приближавшейся к дому. Эта была та самая, которую он только что видел на подносе в гриднице. А вот и мостик через речушку за ее спиной... Да что за черт!

Юноша отпрянул от окна, еще раз помотал головой. А на девице ведь, похоже, сари. Типичная индуска.

Виталий уже совсем ничего не понимал и, самое главное, в глубине души не верил, что сошел с ума. Что-то здесь не так, и это «что-то» заставило его опять покинуть комнату через дверь и вновь подкрасться к лестнице, ведущей вниз. Ситуация в гриднице изменилась. Поднос одиноко лежал на столе, честно транслируя то, что творится снаружи. Девушка уже приближалась к высокому крыльцу с двускатной крышей, которая покоилась на прочных деревянных столбах, а добры молодцы расположились около входной двери с явно недобрыми намерениями. Кто-то извлекал из-за отворота сапога нож, кто-то разматывал веревку, кто-то уже держал наготове мешок, а двое смачивали тряпицы в чаше с отваром трав, словно собираясь использовать зелье в качестве хлороформа. На девицу явно готовилась засада, а вот этого Виталик стерпеть уже не мог, и он, недолго думая, с диким воплем: «Атас!!! Засада!!!» — чуть не кубарем скатился вниз, схватил стоящую у стены лавку и ринулся в атаку. Первый же удар смел половину отпрянувших от двери мужиков в угол и впечатал их в бревенчатую стену. Силушкой бывший спецназовец обижен не был, но инерцию преодолеть не смог, и она заставила его развернуться вместе с лавкой вокруг своей оси, за что юный витязь тут же и поплатился. Трое не попавших под первый удар противников, низкорослые, кряжистые мужички набросились на него сзади, словно свора цепных псов. К счастью, именно эта троица была вооружена веревками и мешком, а не ножами. Виталий выпустил из рук уже мешающую ему лавку и припал на колено, заставив одного из нападавших кубарем перелететь через него. Бедолага вмазался головой в противоположную стену и распластался около нее без чувств.

— Четыре-ноль! — азартно крикнул юноша, пытаясь вскочить на ноги, и получил мощнейший удар табуреткой по затылку. — Твою мать!!! Ну ребята, вам сегодня не повезло!

Удар не сокрушил его сразу, не сразил наповал, зато разозлил основательно. Если чего и не хватало бывшему спецназовцу, для того чтобы окончательно озвереть, так это именно такого вот весомого аргумента в виде табуретки. И хотя перед глазами юного бойца уже опять все плыло (удар табуреткой был неслабый), он вновь ринулся в атаку.

Застывшая около крыльца девушка с любопытством смотрела на лежащую под окном пухлую сумку из кожи неизвестного животного и напряженно прислушивалась к грохоту внутри гридницы. Она явно пыталась сообразить, что там творится. Ее босая ножка встала на первую ступеньку крыльца. Несколько мгновений девушка раздумывала, затем, чему-то улыбнувшись, благоразумно отступила в сторону и стала ждать.

Ждать ей долго не пришлось. Дверь с грохотом распахнулась, и на

пороге появился жутко сердитый парень лет двадцати пяти с лавкой наперевес. Юноша потряс головой, судя по всему отгоняя от глаз звездочки, и затопал вниз, одновременно пытаясь стряхнуть с лавки прилипшего к ней головой мужичка в тюбетейке. Мужик не стряхивался. Его безжизненное тело волочило след за лавкой, громыхая по ступенькам сапогами, и отцепляться категорически отказывалось. Парень остановился около девушки, посмотрел на нее мутными глазами и опять принялся трясти лавку.

— А ты ему на ножки наступи, — ласково посоветовала девушка.

Виталий мудрого совета послушался, наступил ботинком мужику на сапоги и дернул еще раз что есть силы. На этот раз помогло. Мужик рухнул на плотно утрамбованную землю около крыльца. Тюбетейка слетела с его головы, явив взору юноши беленькие симпатичные рожки. Виталий ахнул, посмотрел на лавку, освидетельствовал на ее поверхности характерные вмятины и понял, почему мужичок не хотел от нее отцепляться.

— Черт, — удивленно пробормотал он, откидывая в сторону лавку, еще раз помотал головой и уставился на девушку. — А ты кто? Если он черт, то ты наверняка ведьма!

— Я... — девушка на мгновение запнулась, — я Парва...

Удар юноша все-таки хороший словил. Плыло не только перед глазами. Звуки окружающего мира то накатывались, то затухали и были такими нечленораздельными, словно в уши натолкали ваты. Окончание фразы юноша не расслышал.

— Парашка? — переспросил Виталик, разглядывая красное пятнышко на лбу девицы.

— Пусть будет Парашка, — не стала возражать девушка.

Красавица крутила в руках цветок лотоса, с любопытством рассматривая Виталия.

— Э, Парашка, — опомнился юноша, — я там пятерых... — взгляд его упал на валяющегося рядом черта, — ...нет, шестерых завалил, а терем большой.

— Терем?

— Терем. Кто знает, сколько их еще там. Валим отсюда.

Виталий доковылял до своей сумы, взвалил ее на плечо, взял девушку за руку и потащил ее за собой. Однако не прошел он и пяти метров, как уперся в невидимую стену.

— Да что за невезуха сегодня! — простонал он, пытаясь прободать невидимое препятствие.

Парашка за его спиной засмеялась:

— Да на тебя никак заклятие наложили? Это кто же тебе тут устроил тюрьму?

Виталий медленно повернул голову в ее сторону и застыл с отпавшей челюстью. Вместо резного терема перед ним стояла старая мельница. Мерно шумела речная вода, падая на лопасти водяного колеса,

где-то внутри вхолостую крутились жернова, скрипела, покачиваясь на легком ветерке, повисшая на одной петле входная дверь.

— Эк меня нечистый водит, — расстроился юноша.

Виталия качнуло, но девушка не дала ему упасть.

— Вот уж не думала, что меня здесь будет ждать такой прием. А ведь ты меня спасал, — ласково сказала она, пристально глядя ему в глаза. — Вижу, спасал. И не только спасал, но и спас. Отвар для меня неслабый приготовили. Такой отвар, да в чужих землях, одним махом все силы магические высосет... а ты интересный мальчик.

У Виталика создалось впечатление, что странная девица читает летопись его недолгой жизни, выкачивая информацию прямо из мозга.

— И ты отважен, мой герой.

Девушка приникла к нему всем телом и нежно поцеловала в губы. Что-то обожгло его грудь. Виталий невольно вскрикнул.

— Да охренела ты, Парашка! — взвыл он, отрывая девушку от себя, и скосил глаза вниз.

Цветок лотоса, оказавшийся в момент поцелуя между ними, медленно просачивался сквозь рубашку, погружаясь в его тело.

— Отныне ты — мой воин.

— Фигушки, — упрямо мотнул головой Виталик, — я ничей! И нет такой Парашки, которая на меня хомут наденет!

Девица рассмеялась еще радостней:

— Кто знает, мальчик, кто знает. Однако позволь мне в благодарность за спасение хотя бы снять с тебя заклятие, а то ведь далеко от своей тюрьмы не уйдешь.

— Это давай.

В руке Парашки появился еще один цветок лотоса. Что-то тихо напевая, она поднесла его к лицу юноши. Виталия накрыла волна одуряющего аромата. Голова закружилась, и, чтобы не упасть, ему вновь пришлось схватиться за девицу.

— Умница, хороший мальчик. — Парашка помогла Виталию преодолеть невидимый барьер. — А теперь иди, — подтолкнула она его в сторону мостика через речку. — Эта тропинка приведет тебя куда надо.

Парень, как сомнамбула, послушно двинулся в указанном направлении.

— Да, глубоко проникло зло, — задумчиво пробормотала девушка, глядя вслед своему спасителю. — Ну что ж, раз мне на Русь вход заказан, то моему воину нет. Надеюсь, он оплатит кому надо за радушный прием сторицей.

Виталий ее уже не слышал. Он шел вперед к неведомой цели не разбирая дороги. Извилистая тропинка чем-то ему не понравилась, и он начал спрямлять петли, продираясь сквозь кусты и перелески. Вздвигаясь по склонам крутых оврагов, с ходу форсировал речки, не задумываясь: а куда он, собственно, так спешит? Неведомая сила гна-

ла его вперед, он шел без отдыха день и ночь и к полудню второго дня добрался до шумного портового города, в который его почему-то категорически отказалась впускать городская стража. Это так расстроило Виталика, что он тут же полез в драку. Перед его все еще затуманенным взором мелькали тела блюстителей порядка, которые разлетались, как кегли, отдельно от своих алебард, стоило им оказаться в зоне действия удара разбушевавшегося юноши. Доставалось иногда и случайно подвернувшимся под руку прохожим. Виталий использовал свои навыки боевого карате, но противников было слишком много, нападали они сразу со всех сторон, а потому исход битвы предугадать было нетрудно. Сокрушительный удар по затылку чем-то очень тяжелым заставил парня покачнуться. За последние двое суток это был уже третий удар. «Ну сколько можно по одному и тому же месту?» — обиженно подумал Виталик, оседая на землю. К счастью, он успел потерять сознание прежде, чем озверевшие стражники начали обрабатывать его вножную, и вот тут-то ему досталось по всем местам, куда сумели дотянуться их сапоги...

ГЛАВА 2

Сознание медленно, но верно возвращалось. Избитое, превратившееся в сплошной синяк тело нещадно болело. Виталий медленно открыл глаза, поднял свесившуюся на грудь голову, огляделся. «Чтоб я еще когда с Васей Привокзальным связался!!! Втравил в историю, гад!» Смутная надежда, что он проснется дома в своей уютной постели, не оправдалась. Бред продолжался. Он висел на цепях, прикованный к стене в подземных казематах. Это была самая натуральная средневековая пыточная, освещенная только светом факелов. В углу камеры около жаровни что-то мурлыкал себе под нос, раздувая мехи, здоровенный, голый по пояс бородатый и лысый детина в черной маске.

— Надо же! Хрестоматийный палач, — хмыкнул Виталий.

— Почему хрестоматийный? — обиделся детина. — Я наш, исконно русский. — Решив, что жаровня набрала достаточную температуру, палач бросил качать мехи и начал засовывать в малиновые угли с мерцающими над ними синими огоньками пламени пыточные инструменты. — Так, тут порядок, скоро дозреют. Давненько я по профессии не работал, давненько... — Палач смахнул с лысины пот и приступил к настройке дыбы. — Слышь, малец, ты это... праздник мне не портить. Сразу не сознавайся. Покричи сначала чё-нибудь по-иноземному. Сатрапы там али еще чего ругательное скажи.

— Зачем? — Виталий хоть и пришел в себя, но явно не до конца, а потому немножко тупил.

— Струмент мне иноземный прислали, — пояснил палач, — все испытать хочу.

— Какой инструмент? — продолжал тупить корреспондент.

— Забавный, — оживился палач, — ножки злодея между хитрыми досочками зажимаются, клинышки в специальные пазы забиваются. Иноземцы говорят, безотказное средство, а царь-батюшка завсегда с каленого железа али с дыбы приказывает начинать. А народец-то хлипкий пошел. Лиходеи, ежели сразу не помрут, тут же виниться начинают. До испанских сапог дело не доходит. Одна надежда на тебя. Ты уж не подведи, милый. Зубки стисни, слюну накопи, в морду мою поганую харкни, ну а я тут как тут с сапожками...

— Фигушки! Я еще до дыбы все скажу! Так что туши свои железки, они мне без надобности.

— Ну вот, — расстроился палач, — как тут повышать эту... как ее...

— Квалификацию, — подсказал Виталий.

— Ну да. Это слово.

Юноша обратил внимание, что обнаженный торс палача был в многочисленных подпалинах и ожогах.

— Я так понимаю, инструменты сначала на себе испытывал? — деликатно осведомился он.

— Не, это я по первости лиходеев неправильно к допросу готовил. Я их каленым железом, а они ножками сучить начинали. Железки на меня отбить норовили. И ведь отбивали! Такие все шустрые оказывались... — наивно удивился палач. — Хорошо, царь-батюшка подсказал, чё делать надо. Таперича злодеям сучить нечем.

Виталий опустил глаза. К стене были прикованы не только руки, но и ноги.

— Слышь, сынок, а может, это... все-таки помолчишь, а? — жалобно попросил палач. — Ну хотя бы минут двадцать.

— А какой мне смысл молчать?

— Так ежели ты сразу все скажешь, тебя раз-два — и на плаху, а так поживешь еще... минут двадцать. На дыбе повесишь, испанские сапожки примеришь. А уж я расстараюсь. Щипчики самые лучшие возьму. Ноготочки рвать буду — не почувствуешь! А как до плахи дело дойдет, топорик самый лучший подберу. Острый как бритва. Чик, и отмучился. Ну что? Договорились?

— Нет, не договорились! — решительно мотнул головой Виталий. — Все будет очень просто. Без дыбы, без железа. Ты спрашиваешь, я отвечаю.

— Да если б я спрашивал... — мечтательно протянул палач.

Топот множества ног и приглушенные голоса за стеной камеры прервали их беседу.

— Ваше величество. Я ест заявлят протест!

— Я тебе заявлю! Ща вот как скипетром-то...

— Царь-батюшка, — запричитал кто-то, — это же не парадный прием, там обычный разбойник. Зачем вам скипетр и держава?

— Для солидности. Чтоб заранее трепетал. Пусть знает, собака, на чьих людей руку поднял!

Дверь с треском распахнулась, и в пыточную стремительным шагом вошел плотно сбитый, крепкий мужичок с державой под мышкой, на ходу размахивая скипетром, словно дубиной. За его спиной развевалась горностаевая мантия, на голове сидела лихо сбитая набекрень корона. Следом за царем в камеру просочился писарь с письменными принадлежностями в руках, высокий господин с лошадиным лицом в сером, явно иноземном кафтане и несколько стрельцов. Виталий с удовольствием освидетельствовал фингалы под глазами стражников, сообразив, чья это работа.

— Я буду жаловатца! — возмутился господин с лошадиным лицом. — Это ест произвол нат иноземный купец! Я как немецкий посол и глава купеческий гильтий...

— Слышь, Вилли Шварцович... — сморщился царь.

— Я ест Вилли Шварцкопф!

— Да мне до лампы, кого ты там ешь! Достал ты меня! Сказал же, все будет по закону! Сначала дыба, потом плаха. Чего тебе еще надо?

— Справедливый суд! Дыба — это ест произвол!

— Произвол — это то, что он на стражников моих напал.

— Это нато разобратца, кто ест на кого напал!

— Вот сейчас и разберемся. Малюта, дыбу готовь.

— А может, сначала сапожки, царь-батюшка? — с надеждой спросил палач.

— Дыба надежней.

Царь подошел вплотную к Виталию и начал рассматривать узника. Судя по недоуменному взгляду, державный увидел совсем не то, что ожидал.

— Федот!

К царю подбежал один из стражников. Красная шапка воина была оторочена дорогим собольим мехом, что говорило о том, что это был как минимум стрелецкий голова или сотник.

— Чего изволите, царь-батюшка?

— Это вот этот вот на вас напал? — ткнул скипетром в Виталия державный.

— Он самый, вражина! Не извольте сумлеваться! Лично ему рученьки-ноженьки вязал.

— Вот этот вот задохленький десяток моих лучших стрельцов... — Царь еще раз окинул взглядом юношу. По сравнению с мощными, массивными стрельцами Виталик и впрямь выглядел не очень представительно. — ...Да я вас всех... — Сбитая скипетром шапка стрельца полетела на пол. — Тоже мне сотник! Разжалую! Державу поддержи, мешается.

Федот покорно принял из царских рук большой шар с крестом и бережно держал в руках, пока царь-батюшка скипетром охаживал его самого, как говорится, в хвост и в гриву.

— Царь-батюшка, — взмолился писарь, — вы бы скипетр пожалели. Он ить золотой. А вдруг погнется?

— Твое дело маленькое, — пропыхтел царь, — писарское. Садись и пиши. Сейчас допрос снимать будем. Ишь, учить меня вздумал.

Спустив пары, царь отнял у сотника свою державу, отвесил ему напоследок хорошего пинка и повернулся к Виталию. Писарь тем временем поспешил сесть за столик, разложил перед собой бумаги, поставил чернильницу-непроливайку, макнул в нее гусиное перо и застыл в ожидании начала допроса.

— Ну сам все расскажешь али сразу на дыбу? — грозно спросил царь.

Не успел юноша открыть рот, как палач за него тут же ответил:

— Ничё не скажет, царь-батюшка. Я тут с ним уже потолковал. Ни в какую! Пусть меня режут, говорит, пусть бьют, пусть на дыбе подвешивают, ничё не скажу! А вот ежели испанские сапоги на меня применить...

— Да задолбал ты меня своими сапогами, Малюта! Я тебя спрашивал? — возмутился царь.

— Так я ж в интересах дела, — стушевался палач, — чтоб, значит, время ваше драгоценное зазря не тратить.

— Правду мой палач говорит? — уставился на Виталика царь.

— Врет, — лаконично ответил юноша. — Наоборот, это он меня уговаривал молчать, пока меня пытать будут. Вы бы его проверили. Может, засланный какой?

— Что? — ахнул палач. — Это я засланный? Да я верой-правдой... Царь-батюшка, — рухнул на колени Малюта, — не верь супостату! Я свой! Исконно русский! Вот истинный крест...

Царь внезапно рассмеялся.

— А ты ловок, шельма, — погрозил он пальцем Виталию. — В первый раз вижу, чтоб палач перед узником на коленях стоял.

— Я не перед ним, я перед тобой, царь-батюшка, на коленях стою, а этого изверга я сейчас лично на дыбу аль куда прикажете...

— Помолчи, Малюта, — отмахнулся царь, — с тобой все ясно. Все с иноземными новинками носишься. И чего ты к этим сапогам привязался?

— Так вещь-то какая! Да ты на себе испробуй!

— Чего сказал?! — изумился царь.

— Ну тогда на нем, — ткнул пальцем в немца палач.

— Найн!

— Вот видишь, — повернулся к Виталику Малюта, — только ты остался, больше не на ком испытывать.

— Ваше величество, — устало вздохнул юноша, — наденьте на него

намордник, и давайте наконец с этим кончать. Спрашивайте, чего хотели, а то мне уже надоело тут висеть.

— Ишь какой нетерпеливый... — Царь почесал скипетром затылок, заставив корону съехать на лоб. — Ладно. Попробуем. Но отвечай как на духу. Кто таков? Чьих будешь?

— Так, давайте сразу определимся, — строго сказал юноша, привычно беря инициативу в свои руки, — что буду я ничьих. Я сам по себе. Свободный человек. Никому не принадлежу и никому не подчиняюсь. Это во-первых. Во-вторых, зовут меня Войко Виталий Алексеевич. Теперь ваша очередь.

— Какая еще очередь? — опешил царь.

— Культурные люди, — пояснил юноша, — прежде чем приступить к светской беседе, обычно сначала представляются друг другу. Я представился. Теперь ваша очередь.

— Я так и знат! — возликовал глава купеческой гильдии. — Он ест культурный человек! Руссиш найн! Иностраннй поттаннй!

— Да помолчи ты, зубная боль! — сморщился царь. — Ладно. Так и быть, представлюсь: царь Гордон... стоп, а ты что, обо мне ни разу не слышал?

— Не-а, — мотнул головой Виталий, — я не местный.

— Ну да... мои подданные так не одеваются. — Гордон окинул довольно необычный для этих мест наряд юноши. — Ну давай, иноземный гость неместный, рассказывай: кто ты такой, откуда, как сюда попал, зачем стрельцов моих побил?

— Вообще-то я не иноземный, — вздохнул Виталий. — Не местный, но и не иноземный. Русский я.

— Чем докажешь? — бодро спросил царь.

— Тебе что, паспорт, что ли, показать? — разозлившись, перешел на «ты» Виталик.

— А что это такое?

— Ну... удостоверение личности. Свидетельство о том, что я живу в России. Прописан в Рамодановске.

— Прописан? — заинтересовался Гордон. — Ты что, ЦПШ прошел?

— Если речь идет о церковно-приходской школе, то нет. Я академию заканчивал.

— О! Ви ест ученый? — оживился Вилли Шварцкопф. — Кельн? Оксфорд?

— Рамодановский филиал Московской академии. Журфак.

— О! Эр ист френч, француз! Все! Ваше величество, он не ест ваша юристикция.

— Любой иностранный шпион есть моя юрисдикция, — жестко сказал царь, и, почувствовав в его голосе металлические нотки, глава купеческой гильдии поспешил заткнуться. — Он только что сказал, что русский. Тогда при чем здесь Франция?

— Я и есть русский, — подтвердил Виталий. — А журфак — это факультет журналистики. Обычная аббревиатура.

— Гм... говоришь вроде по-русски, — удивился царь, — а слова иноземные. Даже я таких не знаю. ШПрехен зи дойч? — внезапно рывкнул он.

— Найн! — чисто автоматически ответил юноша.

— Вот он и попался, шпиён иноземный!!! — радостно завопил палач. — Ну царь-батюшка, ты — голова! Можно теперь на него сапожки примерить?

— Что на это скажешь? — весело спросил Виталика царь.

— А то и скажу: найн! По-немецки я совсем ни бум-бум. Немножко читаю со словарем, и все. Вот если б ты спросил: ду ю спик инглиш? — был бы другой расклад. Английскому нас учили серьезно. Я же журналист. Без английского нам никак нельзя. Правда, его я тоже не знаю. Вернее, знаю на уровне: три пишем, два в уме. Чуть из академии из-за него не выгнали, — честно признался юноша. — Так что можно считать, читаю со словарем.

— Это как? — не понял царь.

— Это так. Берешь английский текст и за каждым словом ныряешь в англо-русский словарь. Языки мне никогда не давались. Но ничего, я ж на русском пишу. Читатели пока не жаловались.

— Хочешь сказать, что ты писарь?

— Ну да.

— Царь-батюшка! — заволновался писарь. — Не верю я ему! Ну какой он писарь? Ты на рожу его срамную синюшную посмотри! Да разве писарь одними ручками да ножками твою царскую охрану так бы раскидал? Как он стрельцов гонял! Человек двадцать с ним справиться не могли, пока он случайно Ваньку Левшу не зацепил да его штоф водки не разбил. Да если б Ванька нашим исконно русским оружием — дрыном — его по затылку не благословил, ни за что б не взяли. Так бы до сих пор городскую стражу и гонял.

— Да-а-а... — почесал затылок царь, — согласен. Подозрительный писарь. Ну-ка тащите сюда его суму.

Приказание было выполнено молниеносно. Царь Гордон сел на корточки и лично начал копаться в вещах Виталика. Видеокамеры и цифровой фотоаппарат поставили его в тупик.

— Это еще что такое? — Повертев фотоаппарат в руках, он случайно нажал кнопку съемки. — Ай! — Яркая вспышка осветила пыточную.

— Нападение на царя!!! — завопил сотник.

— Не ори, живой я, — осадил его Гордон. — Ух ты! — ахнул он, увидев на дисплее фотоаппарата свою изумленную физиономию. — Да ты еще и колдун, шпион. С тобой надо держать ухо востро.

— Дарю, — тут же среагировал Виталий.

— Благодарствую. А тут у нас что?

Царь извлек из сумки элегантный флакончик, откупорил крышку, и по пыточной разлился тончайший аромат французских духов.

— Я же говорил! — не удержался Вилли. — Он ест заморский купец!

— А вдруг тать? — усмехнулся Гордон. — Вдруг ограбил кого?

— Да никого я не грабил! — Виталию все это уже порядком надоело. — Это обычный рекламный коллаж. А духи и впрямь заморские. Я его читателям рекламирую, чтобы объем продаж увеличить. Работа у меня такая. Вообще-то нет. Работа у меня другая, а это не работа, а приработок. У меня другая специализация — криминальная хроника. Веду отдельную рубрику в еженедельнике «Рамодановский Вестник».

— Ну вот, опять словами непонятными говорить начал, — вздохнул царь. — Давай-ка по порядку. Откель ты все-таки будешь?

— Из Рамодановска, — сердито буркнул Виталий.

— Что такое Рамодановск?

— Город.

— Где он находится?

— В России.

— Я такого города в своем государстве не знаю, — покачал головой Гордон.

— Ну Русь-то, она большая, — удрученно вздохнул Виталий. — А у тебя, кстати, Русь большая?

— За десять ден верхом не обскачешь, — гордо сказал царь Гордон.

— Ну тогда можно сказать, что Рамодановск за рубежом.

— То ест иностранный поттанный, — опять не удержался от реплики Шварцкопф.

— Федот, гони его в шею, — не выдержал наконец Гордон.

Протестующего немца выволокли из пыточной.

— Я ест протестоват! Я буту жаловатса!

Как только его крики затихли вдали, царь продолжил допрос:

— Итак, ты из города Рамодановска, который находится за рубежом, но почему-то на Руси, то есть в моем государстве. И как же получилось, что я такого города не знаю, не объяснишь?

— Я ж говорю, Русь большая. Может, ты какой городишко и проглядел.

— Деревеньку мелкую еще могу проглядеть, но город... И много в этом городе жителей?

— Согласно последней переписи населения полтора миллиона.

— Издеваешься? — разозлился Гордон. — Да во всем моем государстве столько народу не наберется. Малюта, тебе сегодня повезло. Готовь испанские сапоги.

— Слушай, царь, — поморщился Виталий, — не помогут тут ни сапоги, ни дыба, ни каленое железо. Ничего не поможет.

— Это еще почему?

— Потому что, как бы складно я ни врал, ты все равно не поверишь, а если правду расскажу, и подавно. Я и сейчас вижу тут на цепях и не могу понять, во сне я или наяву? Такого со мной еще никогда не было. Рассказать кому — бред! Никто не поверит. Не, все равно ничего не получится.

Гордон взял видеокамеру, задумчиво повертел ее в руках.

— А ты попробуй, — предложил он, — может, и получится. Эй, табуретку сюда!

Палач тут же поставил перед державным табуретку с дыркой посередине. Царь заглянул в отверстие, увидел торчащий оттуда кол и кротко дал палачу в ухо.

— Идиот! Табуретку для меня, а не для узника!

Стрельцы поспешили подsunуть под седалище царю-батюшке кресло, он примостился на нем напротив Виталия и приготовился слушать.

Терять юноше все равно было нечего, и он начал рассказывать. Все без утайки. Все, что произошло с ним за эти сумасшедшие дни. И что интересно, Виталий видел по глазам державного, что он ему верит. А как только юноша дошел в своем рассказе до Вани Лешего, Гордон тут же приказал всем стрельцам, кроме сотника, покинуть камеру. Писарь едва успевал строчить, конспектируя исповедь корреспондента. Из-под гусяного пера во все стороны летели чернильные брызги.

— Да, забавную историю ты мне рассказал, Лексеич. Не все, правда, понял. Как, например, понять терем в русском стиле? Ну я про тот терем, где ты с чертями встретился? Что, есть еще какой-то стиль?

— Конечно. Ренессанс, готический, ампир...

— Да, вампиры нас достали. Много в последнее время здесь развелось нечисти поганой, иноземной. Жалобы на них уже не раз поступали. Ну с чертями все ясно. На чертову мельницу тебя занесло. Редко кому оттуда живым уйти удавалось. Знатный ты витязь, раз сумел отбиться.

— Так я до академии воином был. В армии служил. Спецназ. Много чему научили.

— Парашка твоя тоже девица странная. Непростая девка, ой непростая. Околдовала тебя, видать, потому и в драку с моей стражей ты с дуру ума полез. Все равно многое непонятно мне. Ясно только, что какая-то неправильная у тебя Русь... ну та, в которой Рамодановск. Как ты сказал? «Доведет тебя дорожка дальняя до места заветного»?

— Ага. Так эта мадам и сказала.

— И с этим понятно. А вот из того, что ты мне тут про Рамодановск рассказывал, многое не понял, — честно признался царь.

— А ты спрашивай, объясню, — предложил Виталий.

— Что такое редакция, в которой ты служил?

— Ну средство массовой информации. Газету мы там выпускаем.

— Что такое газета?

— Буковки на листке. Все последние новости туда заносятся, люди читают и узнают, что в мире вокруг интересного происходит.

— Так ты все-таки писарь, выходит?

— Ну типа того. Я ж говорю, криминальную хронику в нашем еженедельнике веду. Вот, — скосил Виталик глаза на наручные часы, вместе с рукой прикованные к стенке, — наградили недавно за разоблачение группы опасных преступников.

— Так, опять не понял. Тогда ты, выходит, из стражников, а не из писарей.

— С чего вы взяли?

— У нас преступников стражники из Разбойного приказа ловят, ну и стрельцы им порой помогают.

— А у нас милиция. Ты неправильно понял, царь. Я их не ловлю. Я их изобличаю. Журналистское расследование провожу. А когда преступник изобличен, остальное уже дело техники. Стражникам их тогда только взять за жабры остается. Мне главное — все это потом красиво в печати подать, чтобы народу интересно было.

— Это ж какое расточительство, — не выдержал писарь, — бумагу на сплетни всякие переводить. На ней только слово Божие да указы царские писать надобно. А они сплетни, — сокрушенно покачал головой писарь, — тут донос порой настрочить не на чем...

— Тебе слова не давали, помолчи, — рыкнул на него Гордон и задурился. — А что, Лексеич, у меня, в моем царстве-государстве, такое дело наладить сможешь?

— Не простое это дело, — честно признался Виталий. — Одному трудно поднять, но попробовать можно.

— Зачем одному. Я тебе в помощь летописцев дам. Штук пять.

Юноша усмехнулся. Царь намек понял.

— Мало? Ладно, десять. Ты говорить будешь, они писать. Потом перепишут, размножат.

— И какой получится тираж? — нейтральным тоном спросил юноша.

— Не понял.

— Сколько копий после переписи получится?

— Ты что, и впрямь больной? — насторожился царь. — Копья у нас кузнецы да столяры мастерят.

— Прошу прощения, неправильно выразился. Сколько этих газет получится? В штуках сколько? Меня количество интересует, — уточнил Виталий.

— Сейчас узнаем. Слышь, Прошка, сколько можешь за день листов переписать?

— Так это смотря чего. Ежели слово Божие, Библию каллиграфическим почерком переписывать, то страницы три, а то и четыре за день осилю.

- Царский сплетник
и шемаханская царица ●

1

— Опасность... я чувствую опасность...

Виталий застонал и перевернулся на другой бок. В голове и так шумело после трехдневного застолья, а тут еще во сне Парвати стала доставать.

— Бойся женщины... она принесет беду... — назойливо зудел в его голове голос индусской богини.

Смутное видение трансформировалось в обнаженное женское тело, но это была не Парвати. Во сне перед царским сплетником голая Янка с цветком лотоса в зубах отплясывала что-то среднее между канканом и лезгинкой.

— Твою мать! Когда ж ты женишься, сволочь? Невозможно же работать! — прозвучал в голове Виталика сердитый голос Парвати, и образ Янки начал расплываться. — Я ему об опасности, а у него, козла, все одно на уме! Женщины бойся, дурак!

Пронзительный визг, последовавший за этим внушением, сбросил Виталия с постели и заставил окончательно проснуться. Юноша потряс головой. За окном было уже светло. Вопль повторился. Виталий вскочил на ноги и в одних трусах выскочил из спальни. Пятки царского сплетника дробно застучали по лестнице. Он во весь опор неся на шум, гадая, что случилось на этот раз на буйном подворье Янки Вдовицы. Верещала явно хозяйка, но, судя по обертонам и еще кое-каким неумовимым интонациям, не от страха или боли, а от бешенства.

— Опять Васька с Жучком чего-то учудили, — сообразил парень и прибавил ходу, спеша спасти пушистых обормотов от гнева хозяйки.

Васька, иссиня-черный кот-баюн и Жучок, истинный оборотень, принимавший вид то маленькой домашней собачки, то огромного матерого волка или, в зависимости от обстоятельств, человека, постоянно шкодили и периодически огребали за это от Янки то ухватом, то метлой. Она со своими охранниками, приставленными к ней Бабой-ягой, особо не церемонилась и спуска не давала.

Вихрем проскочив гридницу, царский сплетник помчался в холодную часть дома на шум и гам, несшийся с той стороны. Шум доносился из подклети. Юноша нырнул в полуподвальное помещение и в свете солнечных лучей, льющихся в кладовую через узкое окошко, рас-

положенное под самым потолком, увидел следующую картину: Васька с Жучком с трудом удерживали рвущуюся в бой хозяйку, которая норовила огреть ухватом что-то черное, мохнатое, лежащее в углу, а вокруг царил полный разгром. На полу лежали надкусанные шматки сала, обгрызенные колбасы и окорока, бочка с вином исходила последними рубиновыми каплями, мерно падающими вниз из открытого краника...

— Всем стоять! — рявкнул Виталий.

Янка опомнилась и прекратила верещать. Парень протиснулся мимо девицы к ее жертве, склонился над клубком.

— Ну ни фигя себе!

В углу подвала лежал черт. Маленький, мохнатенький, с хрестоматийными рожками и копытцами, свиным пяточком да плюс ко всему, судя по исходящим от него ароматам, в дупель пьяный. Пяточок и руки были измазаны в чем-то красном, а еще от него воняло. Виталий брезгливо поморщился, затряс головой.

— Янка, у тебя здесь где-то рыба стухла, а он, как мне кажется, ей умудрился закусить.

— Ты что, с ума сошел? — опешила Янка, оправляя на себе ночную рубашку. Девица тоже, видать, была только что с постели и рванула на разборку, впопыхах не удосужившись одеться до конца. — Я только копченую да свежего посола рыбку здесь держу. Чай не ледник, обычная подклеть.

— Понятно. Ну и что здесь происходит? Кто сюда рогатого притащил? — Виталий грозно посмотрел на секьюрити вдовицы.

— Ты чё городишь, сплетник! — дружно, в один голос завопили Васька и Жучок.

— Кто ж эту тварь ненасытную сюда притащит?! — Васька простер лапу к полкам. — Смотри, что натворил! Сколько сметаны выпил, гад! Половина кринок пустые!

— А сколько мяса перепортил! — вторил ему Жучок. — Самое лучшее, с сахарными косточками сожрал! А здесь... ты знаешь, сколько здесь было колбасы? Да ты смотри, смотри!

Виталик посмотрел. Кругов колбас, подвешенных на балке, осталось очень мало. Как минимум две трети мясной продукции бесследно исчезло. Пока он с Янкой любовался на погром, кот умудрился выскользнуть из подвала, что-то старательно пряча передними лапами за своей спиной. Виталий вновь склонился над чертом.

— Янка, это ты его так? — поинтересовался юноша, рассматривая выпачканные в крови руки и пяточок ночного визитера. В том, что неожиданный гость прибыл еще затемно, сомнений не было. Чтоб столько выпить и сожрать, времени нужно было много.

— Нет, — сердито буркнула девушка, зябко передернув плечиками. В подклети было не жарко, и босые ножки вдовицы приплясывали на холодном полу. — Васька с Жучком не дали. Он уже такой был.

— Даже яблоками не побрезговал, — покачал лобастой головой Жучок, пнув лапой валяющийся на полу огрызок. — Хозяйка, ты бы отвары свои проверила: а вдруг он туда наплевал.

Янка ахнула и кинулась к полкам со склянками, в которых хранила лекарственные зелья. Виталик перевернул мохнатый клубок на другой бок. Черт немножко повозился и опять засопел в две дырочки. Красный след на полу в том месте, где проехали лапки незваного гостя, привлек внимание журналиста. Он коснулся его пальцем, понюхал.

— Да это же краска, — дошло до царского сплетника. — Эй, Жучок, а ну-ка возьми его за рога. Я беру на себя копыта. Тащим этого ханурика к колодцу. Будем приводить в чувство. У меня к нему есть ряд вопросов.

— У него рожки, а не рога, как за них зацепишься?

— Ну, за руки.

— Они у него грязные, — заупрямился Жучок.

— Тогда за уши хватай, — начал сердиться юноша.

Такой вариант оборотня устроил. Уши у черта были длинные, как у козла, и хвататься за них было удобно.

— Все зелья целы, — с облегчением сказала Янка и поспешила по лестнице за постояльцем с оборотнем, которые вытаскивали черта наверх.

Они уже волокли его через сени, когда со стороны двора раздался дикий мяв и с крыши что-то грузно рухнуло на землю.

— Васька-а-а!!!

Янка молнией пронеслась мимо Виталика с Жучком и выскочила во двор. Журналист с оборотнем бросили черта на пол и рванули вслед за ней. Баюн лежал на земле, раскинув в разные стороны все четыре лапы, и внешний вид его заставил всех содрогнуться. Черная шерстка на голове Васьки была вымазана в какой-то бело-розовой субстанции, щедро усеянной кровавыми сгустками, а на лбу шерсти не было вообще. Вместо нее там торчала черепная кость. Открытые глаза его бездумно смотрели на плывущие по небу облака.

— Васенька... — Янка пошатнулась, но быстро справилась с собой. — Не трогать здесь ничего! — крикнула она и метнулась обратно в терем.

Жучок сел на хвост возле мохнатого друга, шальными глазами посмотрел на него, пару раз шмыгнул носом.

— Васька... дружан... — Волк задрал морду кверху и завыл.

Из сеней выскочила Янка с баулом в руках. Ночная рубашка развевалась за ней, как знамя на ветру.

— Ты что, с ума сошел? — треснула она оборотня по загривку, плюхаясь на колени рядом с Васькой. — Нашел время песню смерти петь. Видишь, он еще дышит! Лучше воды чистой с колодца принеси.

Жучок помчался на задний двор к колодцу, и оттуда до Виталика

донесся энергичный скрип ворота. Юноша присмотрелся к баюну. Грудь гигантского кота мерно вздымалась в такт дыханию. Он еще был жив, но спасти его удастся вряд ли. С раскроенным черепом, когда мозги наружу... Внимание царского сплетника привлекли лапы баюна. Они, как и у черта, были вымазаны в чем-то красном. Парень потрогал пальцем лапу Васьки, понюхал... краска! И запах. Теперь и от баюна несло тухлой рыбой и... тем, что он сразу не уловил. Свежим пегаром!

— Ты терпи, Васенька, терпи, — всхлипывая, причитала Янка, выживая из баула какие-то склянки и белые тряпицы. По щекам вдовицы текли слезы. — Ты, главное, не умирай. Я ж тебя еще котеночком... Я... я тебя выхожу, все будет хорошо...

Виталий задрал голову вверх и сразу увидел, что на крыше, неподалеку от печной трубы, торчит черенок то ли лопаты, то ли граблей, то ли чего-то там еще. С этой позиции не видать, но, что бы это ни было, данная вещь там явно лишняя. А еще он увидел деревянную лестницу, приставленную к стене терема Янки Вдовицы. Она немножечко, где-то на полметра, не доставала до края крыши. Еще вчера вечером эта лестница валялась около сарая. Это он знал точно, так как она валялась там всегда. Ну, может, и не всегда, но, по крайней мере, с того момента, как он поселился на этом буйном подворье, лестница своего местоположения не меняла. И, что интересно, ее перекладины в некоторых местах тоже были измазаны в краске.

Виталий выдернул из стоящего неподалеку чурбана топор и решительно полез по лестнице вверх. Янка, хлопотавшая над своим любимцем, на постояльца внимания уже не обращала. Для нее сейчас существовал только ее Васенька, и, пока она над ним колдовала со своими склянками, юноша решил разобраться с тем, кто скинул баюна с крыши. Однако добравшись до верха, он понял, что разбираться будет не с кем: ни одной живой души там не наблюдалось, но совсем недавно явно кто-то был, так как весь тесовый скат был размалеван алыми розами. В нос юноше ударила невыносимая вонь, исходившая от огромной полуразложившейся рыбины, пришиленной к крыше вилами, черенок которых юноша и увидел с земли.

— А это еще что такое?

Изумленный голос Янки заставил Виталика вывернуть голову и посмотреть вниз. Девушка крутила в руках белый черепок, сдернутый с головы Васьки, который все поначалу приняли за осколок черепа кота.

— Да это же кринка... — Янка макнула палец в розовую субстанцию, заляпавшую голову ее любимца, лизнула... — Сметана с клюквой... Ах ты, сволочь ушастая!!! Ах ты, морда бессовестная!!!

Янка откинула в сторону черепок и возжелала схватить Ваську за горло, но тот умудрился вывернуться, взметнулся с земли и с воплем «Не виноватый я!!!» ринулся наутек, по дороге снеся лестницу, на са-

мом верху которой стоял Виталик. Лестница рухнула на Жучка, тащившего «болезному» ведра с колодезной водой. Рядом с ним в землю вонзился топор, выпавший из руки царского сплетника, а сам Виталик повис, судорожно цепляясь за край крыши.

— А ну стой, сволочь хвостатая!

Виталик на них внимания уже не обращал. Его задача была теперь не повторить путь кота, навернувшись с этой верхотуры вниз. Главное, что ушастый обормот жив, а гоняет его Янка не в первый раз. К этому царский сплетник уже привык. Рывком подтянувшись, он сумел закинуть одну ногу на край крыши. На расстоянии вытянутой руки заметил нож, вогнанный в дерево по рукоятку, и немедленно использовал его в качестве дополнительной опоры. Еще один рывок — и царский сплетник оказался на самом верху. Только поднявшись во весь рост, он смог оценить открывшуюся перед ним картину по достоинству. Над тухлым осетром, пришипленным вилами к крыше, висела туча мух, а вокруг в художественном беспорядке были раскиданы розы. Но не одни они украшали этот натюрморт. Ближе к комлю большими корявыми буквами кто-то красной краской намалевал энергичную надпись: «СПЛЕТНИК, БУДЕШЬ МЕШАТЬ — УБЬЕМ!» Буквы во многих местах оказались смазаны. На них отчетливо были видны следы копытцев и отпечатки чьих-то лап разного размера. Одни из них явно принадлежали коту, другие смахивали на верхнюю пару конечностей ночного визитера, который, скорее всего, и был автором этих строк. Было на крыше и еще три надписи, исполненные таким же корявым почерком. Одна из них гласила: «НО ПАСАРАН! ОНИ НЕ ПРОЙДУТ!» Вторая повергла юношу в шок: «БЕЙ ЖИДОВ, СПАСАЙ РОССИЮ!» А уж последняя вообще была напал: «СПАСИБО, ХОЗЯИН, ВИНО У ТЕБЯ ХОРОШЕЕ!»

— Слышь, Жучок! — крикнул Виталий. — А ну-ка вытащи этого антисемита во двор!

— Какого антисемита? — Оборотень обалдело тряс головой, не отрывая глаз от топора, вонзившегося в землю рядом с его мордой.

— Того, что в сенях лежит. Этого кадра без присмотра оставлять нельзя. Удерет еще, а мне очень с ним по душам побеседовать охота.

— Ага... — Оборотень столкнул с себя лестницу и направился к сениям.

Мимо него просвистел кот, за которым неслась Янка с метлой наперевес. Они скрылись в тереме. Царский сплетник прислушался. Судя по грохоту, Янка сумела загнать пушистого обормота в свою светелку и активно занималась там воспитательной работой. Тем временем Жучок выволок черта из сеней во двор. Несмотря на то что он тащил его за хвост, возмутитель спокойствия, послуживший причиной всех этих безобразий, проснуться не соизволил.

— И что дальше? — крикнул оборотень.

— Спит?

— Спит.

— Это хорошо. Давай лестницу и ползи сюда.

Оборотень бросил черта, поставил лестницу на прежнее место и удивительно ловко вскарабкался на крышу.

— Ух ты! Цветы...

— И тухлая рыба, — многозначительно сказал царский сплетник, задумчиво глядя на проткнутого вилами осетра. Еще раз осмотрелся. Кроме вил в крышу в хаотичном порядке были воткнуты ножи и вилки, в которых он сразу опознал столовый набор Янки Вдовицы. А еще там лежала до боли знакомая вымазанная в краске тюбетейка.

— Э, да тут написано: будешь мешать — убьем! — озабочился Жучок.

— Написано.

— Как думаешь, от кого послание? От Кощея? От Дона? А может царю-батюшке чем не угодил?

Виталик посмотрел на оборотня как на больного.

— Ну, это я так, предположение высказал, — смутился Жучок.

— Нет, друг мой. Что-то мне говорит, что это сигнал от Дона.

— С чего ты взял?

— Так сицилийская мафия сообщает своей жертве, что ее приговорили. Ну, а так как мы в России, на всякий случай, для товарищей, не знакомых с их обычаями, перевод сделали: будешь мешать — убьем.

Очередной мяв со стороны светелки Янки закончился стуком створок распахнувшегося окна. По бревенчатому срубам заскрежетали когти, и на крышу вскарабкался всклокоченный кот.

— Нет, ты мне скажи, кто так над рыбкой издевался? — возмущенно прошипел он, глядя на царского сплетника шальными глазами.

— Вот это нам и надо установить, — хмыкнул журналист. — Пока что я понял только то, что мы получили первый звоночек от «коза ностра».

— Насчет коз носатых не знаю, у нас такой нечисти раньше не водилось, — сердито мявкнул Васька, — но, судя по рыбке, это твои пираты постарались.

— С чего ты взял? — опешил юноша.

— А кто у нас всю рыбу Великореченска к рукам прибрал? — воинственно спросил кот. — Твои гаврики постарались. Больше никому.

— Почему только они? — кинулся защищать своих людей Виталий. — Половина Вилли Шварцкопфу отошла. Он ей сейчас спекулирует, а остальное царь-батюшка в оборот взял. Забыл, что ли? Нам же с этого проценты капаят.

— Тогда точно немец, — категорично заявил кот. — Фрицы, они такие...

— Слышь, хвостатый, — ласково спросил Виталик, — а ты себя часом не отмазываешь? А ну колись, почему у тебя лапы в краске? А вон и следы от них. Ну-ка, наступи рядом, будем отпечатки лап сверять.

— Ну, было дело, — отпрыгнул в сторону кот, — прихватил кринку. Думал, сейчас на крыше душу отведу, полакомлюсь, а тут рыбка. Я к ней, а над ней мухи... — Глаза Васьки стали жалостливые-жалостливые. — ...Не выдержал я такого зрелища. Так над рыбкой издеваться! Ну, я с крыши в обморок и упал... вместе со сметанкой. А уж когда кринка об меня разбилась — совсем плохо стало. Инфаркт миокарда! Видать, стареть начал. О-хо-хо, грехи наши тяжкие, — почесал Васька спину, по которой только что прошлась метла Янки.

— Ладно, по поводу сметаны, считай, отмазался. А вот объясни мне, усатый, почему от тебя перегаром тянет?

— Это не от меня! — запаниковал Васька. — И вообще, он первый начал!

Реакция у царского сплетника была великолепная. Он успел схватить за шкурку Жучка, не дав ему удрать, подтянул поближе, принюхался. От оборотня тоже несло свежаком.

— Ага. На пару соображали, — сообразил царский сплетник. — Признавайтесь быстро: погром в погребе — ваша работа?

— Нет, его! — дружно ткнули пушистые обормоты в черта, лежащего внизу во дворе.

— Я в подклети, помнится, видел надкусанные куски сала, — вкрадчиво сказал Виталик, — а ведь черти сало не едят.

— Они что, евреи? — фыркнул кот.

— Нет, они не евреи, они просто родней не закусывают, — пояснил юноша, — думаю, что каннибализм не в почете даже в аду. Ну, так что? Будем колоться или как?

— Не было нас там, — уперся Васька.

— Черт все сожрал! — поддержал его Жучок.

— И выжрал, — добавил баюн.

— Ладно, оставим разбор полетов на потом. Охраняйте этого рога-того, пока я одеваться буду.

— От нас не уйдет! — Васька с самым зверским видом выдернул из красного теса двухслойной крыши вилы. — Он мне за рыбку ответит, гад!

— Верно. — Жучок вырвал из крыши столовый нож. — Будем мстить!

— Так, хвостатые, — нахмурился Виталий, — если он до допроса не доживет, я вас...

— Что? — настожились телохранители Янки.

— Хозяйке дам, вот чего!

— Так не было ж ничего!

— Ничего не было!

— А это уж вы ее ухватите объяснять будете: было, не было... — отмахнулся царский сплетник и начал спускаться. Только на этот раз не с помощью лестницы, концы которой не доставали до ската крыши, а через окошко, ведущее на чердак.

— Куда?!! — всполошился Васька.

Поздно. Царский сплетник уже нырнул в чердачное окошко и тут же наткнулся на галерею кринок со сметаной.

— Та-а-ак, ну, Васька, попрыгаешь ты у меня.

Виталий спустился с чердака, заскочил в свою спальню и начал натягивать на себя штаны, в которых прибыл в этот мир из Рамодановска. Непривычный для этих мест костюм стал чуть ли не его фирменным знаком. По нему народ издалека определял, что идет царский сплетник, и загодя начинал ломать шапки. Слава крутого криминального авторитета Великореченска, сумевшего не только близко сойтись с царем-батюшкой, но и быстро разобраться с Кощеем Бессмертным и с таинственным Доном, бежала впереди него. Спустившись в GRIDНИЦУ, юноша прислушался. Судя по звукам, Янка шуршала в подклети, наводя порядок. Сейчас это его устраивало. Пока она там возилась, у него еще было время довести предварительное расследование до конца. Выйдя во двор, он первым делом погрозил кулаком Ваське с Жучком, которые задумчиво стояли над чертом — один с вилами, другой с топором, и направился к будке оборотня. Пришла очередь волноваться Жучку.

— Ты чего там позабыл?

— Я ничего, — откликнулся царский сплетник, становясь на карачки, — а вот ты по рассеянности, может, чего и забыл.

— Э! А санкция на обыск у тебя есть? — начал петушиться Жучок.

— Ишь, какой грамотный выискался.

Виталий попытался сунуть голову в конуру и понял, что чутье его не подвело. Будка Жучка была забита мясом с сахарными косточками и колбасами так, что голова туда не пролезала.

— Вот вы и попались, голубчики, — удовлетворенно сказал царский сплетник, поднялся с земли.

— Что ж ты так неаккуратно!

Около него тут же материализовались Васька с Жучком и начали отрясать пыль на коленях с его брюк своими мохнатыми лапками, по-добострастно заглядывая в глаза.

— Вдруг царь-батюшка к себе зачем потребует, а ты как чушка в пыли да в грязи вывалялся, — тоном заботливой няньки бормотал Васька.

— А ежели Дон с Кошеем нагрянут? — вторил ему Жучок. — Враз весь авторитет растеряешь!

— Я оценил ваши заботы. Но тем не менее у вас есть только один шанс избежать заслуженной кары: добровольное признание. Оно, говорят, смягчает наказание. Я же вас, прохиндеев, насквозь вижу. Наверняка Янка собиралась сделать разборку в подвале, а заодно ревизию своим припасам. А что вас могло спасти от ревизии? Правильно: ограбление. Быстро колитесь: кому пришла идея на это дело черта наять и где вы его откопали?

— Да никого мы не нанимали! — опять ушел в глухую несознанку кот.

— Не нанимали никого, — упрямо мотнул головой Жучок.

— Сейчас Янку позову, — пригрозил Виталик.

— Не надо! — взмолился Васька, помялся и безнадежно махнул лапой. — Ладно, сплетник, всю правду тебе скажу. В подвале мы его с Жучком прищучили, а он сразу полез обниматься, — шмыгнул носом кот, — и ведь знал, чем нас взять, зараза! Каждому налил. Одному, видите ли, пить не в кайф было. Ну, какой истинно русский кот...

— ...и собака... — понуро вздохнул Жучок.

— ...от такого предложения откажется? — закончил Васька.

Деваться пушистым обормотам было некуда, и они начали колотья. Этой ночью они на пару устроили очередной набег на запасы Янки Вдовицы, что делали, как выяснилось, неоднократно. Только на этот раз они наткнулись в подвале на развеселого черта, присосавшегося к бочке с вином. Увидев потенциальных собутыльников, черт страшно обрадовался, полез обниматься, после чего налил каждому по полной чаре и устроил телохранителям Янки Вдовицы такой радушный прием, что они не устояли. Застолье проходило по всем правилам конспирации: они не топали, не шумели, песни не орали и даже тосты произносили шепотом. Черт периодически отрывался от застолья, но исключительно для того, чтобы сходить во двор по нужде. Если бы они знали, покаянно били себя лапами в грудь секьюрити вдовицы, что во время отлучек этот наглец посещал еще и крышу, дабы совершить акт вандализма над бедной рыбкой и намалевать там похабные надписи! А когда вино кончилось и черт окончательно ушел в nirvanу, обормоты спохватились и недолго думая решили списать все эти безобразия на него, пополнив заодно свои личные запасы. И это бы, возможно, прокатило, если б рогатый не напакостил на крыше, о чем они в тот момент не подозревали, а царский сплетник не оказался таким дотошным.

— Ну наделали вы дел... Янка!!!

— Сплетник!!! Ну не будь сволочью!!! — взвыли проштрафившиеся охранники.

— Чего тебе? — Во двор выскочила раскрасневшаяся девушка с венником в руках. В отличие от царского сплетника, она еще не успела одеться и продолжала щеголять в ночной рубашке.

— Вот этого кадра хочу Гордону показать, — кивнул на черта Виталий, — а в мешке на горбу тащить как-то несподручно. Может, присоветуешь чего?

Васька с Жучком с облегчением перевели дух.

— Присоветую, — сердито откликнулась девица.

— Чего?

— Никуда его не носить.

— Это еще почему? — нахмурился Виталик.

— Потому! Нечего тебе с этим чертом в палатах царских делать.

— Янка! Этот черт не просто так сюда явился. Чую: заговор. Дело государственной важности назревает.

— Знаю я ваши государевы дела. Вы, как сойдетесь, сразу дым ко-ромыслом. Всего и делов-то — меч в пузо за царя-батюшку получил, а весь Великореченск потом три дня не просыхал!

— Да я ж по делу!

— Так я тебе и поверила. Вот только попробуйте с ним сюда на ро-гах с песняком припереться и полгорода с собой притащить. Если Ва-силиса вам не нальет, у меня не просите.

— Не, Василиса не нальет, — успокоил разбушевавшуюся девицу Виталик. — Царица, как и все бабы, это дело не уважает.

— О том и речь! Учти, я тоже не налью. Нечего. Не забывай, что эта сволочь рогатая все вино у нас вылакала, — пнула она босой ножкой похрапывающего черта.

— Так его, хозяйка, так! — закивал головой Жучок.

— Ты его лучше вот этим. — Васька плюхнул в руки девушки вилы, которые Виталик тут же у нее отнял.

— Н-да-с... до вопроса мой свидетель тут не доживет, — сообразил он.

— Свидетель чего? — насторожилась Янка.

— Страшного преступления, караемого рядом статей Уголовного кодекса, — начал нагонять туману Виталик. — А так как наш свиде-тель является одновременно и подозреваемым, а рядом с Васькой и Жучком может оказаться заодно и потерпевшим, то я в отношении него запускаю программу по защите свидетелей.

— Ничего не поняла, — тряхнула копной каштановых волос Янка.

— И не надо. На данном этапе твоя задача не понимать, а помо-гать — как мне его упаковать покомпактнее, чтобы в глаза не бросался и можно было спокойно протащить к царю?

— Сейчас сделаем. Подожди.

Девушка метнулась в терем.

— А я думал, зложит, — перевел дух Васька.

— Сплетник — мужик что надо! — радостно сказал Жучок. — Сво-их не сдает.

— Не думайте, что так легко отделались, — усмехнулся парень. — Должны будете.

Янка выскочила из сеней с резной табакеркой в руках.

— Сюда его засунем.

— Ух ты, какая красивая. Кто подарил? — ревниво спросил юноша.

— От бабушки по наследству досталась, — успокоила его вдовица; сделала пасс в сторону черта, и тот мгновенно съежился, став разме-ром с маленькую мышку.

— Круто! — Царский сплетник взял его за хвостик, кинул в таба-керку, захлопнул ее и сунул в карман. — Ну, я к царю.

— Ты что, даже завтракать не будешь? — удивилась Янка.

Аппетит у царского сплетника был отменный, и на завтрак он обычно уминал целую гору плюшек с чаем.

— Говорю ж тебе, дело государево, — шлепнул по карману с табакеркой царский сплетник. — Но к ужину обязательно вернусь. Так что жди.

Виталик вытянул губы трубочкой и попытался сграбастать Янку, чтобы чмокнуть в щечку, за что тут же схлопотал от нее венником по голове.

— Куда лапы тянешь?

Слабая вибрация земли совпала с затрещавшими воротами.

— Янка, а тебе не кажется, что к нам кто-то стучится? — заволновался Васька.

— Ой, я, кажется, полог забыла снять, — испугалась девица, делая пасс рукой, и на подворье Янки Вдовицы хлынула лавина звуков.

Янка давно уже использовала эту уловку. Полог неслышимости и недосыгаемости она накладывала в тех случаях, когда надо было разобраться с Жучком, Васькой или с Виталиком, не привлекая внимания соседей к тому, что творится на ее подворье.

— Ломай ворота! — Командный голос Федота заставил Янку встрепенуться. — Все на штурм! Царский сплетник и Янка Вдовица в опасности!

— Ой! — Только тут девушка сообразила, что стоит посреди двора в одной ночной рубашке, и метнулась в терем.

Царский сплетник же рванул в другую сторону, сообразив, что бравые воины сотника Федота запросто снесут ворота вместе с петлями и опорами, с которых теперь был снят полог недосыгаемости. Он успел откинуть засов и отскочить в сторону. Ворота с грохотом распахнулись. Два десятка стрельцов в обнимку с огромным бревном просвистели мимо царского сплетника, запнулись о чурбан для разделки мяса и рухнули вместе со своим импровизированным тараном посреди двора.

Последним во двор ворвался сотник Федот с саблей наголо. Увидев сплетника живого и здорового, да еще и с любопытством рассматривавшего, что получилось в центре двора, а получилась, понятно, куча-мала, стрелецкий голова с досады сплюнул и закинул саблю обратно в ножны.

— С Янкой все в порядке? — сердито спросил он.

— Все путем. А чегой-то вы здесь делаете? — наивно хлопая глазами, поинтересовался юноша.

— Гонцы мы от царя-батюшки! И почетный караул! Полчаса уже тут во все двери стучимся!

— Слышь, сплетник, — задумчиво сказал Васька, — может, мы теперь так дрова на зиму заготавливать и будем? Ежели каждый гонец к нам сюда с бревном... Может, они заодно его и распилят?

— Да вы совсем обалдели! — гневно рывкнул Федот. — Там вся бо-

ярская дума в полном составе царского сплетника ждет, царь-батюшка вокруг трона круги нарезает, а вы тут о бревне!

— Бревно тоже дело важное, — возразил сплетник. — Давай скажем, что вы его действительно на дрова принесли. А то, если Янка увидит, что вы с этой фигней в ее ворота ломились, плохо будет.

— Верно, — оживился Жучок, — пока Янка не видит, начинайте пилить.

— Не, вы точно с ума сошли, — пробормотал Федот.

В этот момент окошко на втором этаже терема распахнулось и из него высунулась Янка, уже одетая в свой любимый голубой сарафан.

— Что там у вас случилось?

— Да вот дровишки вам принесли, — сразу схватились за пилу стрельцы.

— Но это так, заодно, по ходу дела, — заволновался Федот, — вообще-то мы пришли сказать, что царь-батюшка царского сплетника видеть желает... уже полчаса желает... вместе со всей боярской думой... Я тут со стрельцами вроде как гонец и заодно почетный караул.

— Царя-батюшку заставлять ждать нельзя, — с сожалением вздохнула Янка.

— Вот и я о том, — обрадовался Виталик. — Уже иду.

— А мы проводим, — вызвался Жучок.

— Куда? — нахмурилась Янка. — А дрова кто пилить будет? Вы с Васькой остаетесь.

Васька с Жучком скривились и нехотя взяли за пилу, которую стрельцы с готовностью им уступили.

— Слышь, Федот, — прошипел Васька, демонстративно выпуская когти, — чтоб в следующий раз сюда ломились с заранее напиленными и сложенными в поленницу дровами.

— Ага... — Сотник бочком выскользнул с подворья.

За ним, кусая губы, чтоб не рассмеяться в голос, шел царский сплетник, гадая, за каким чертом потребовался царю-батюшке в такую рань, что он послал за ним гонца, да еще и с почетным караулом? Вроде вчера только расстались после трехдневной пьянки в честь спасителя отечества, и первую ночь он провел относительно спокойно. Неужели Гордон будет требовать продолжения банкета?

2

В палатах белокаменных Виталий пару раз уже бывал, а потому, оказавшись внутри, уверенно двинулся в сторону рабочего кабинета царя Гордона, но Федот на полпути его тормознул.

— Тебе туда, — кивнул он в сторону тронного зала.

— Так ты не шутил? — удивился Виталик. — Там действительно Гордон вокруг трона круги нарезает?

— Нет, конечно. С каких это пор цари холопов ждут? Не по чину, однако, будет, — рассудительно сказал Федот. — Он приказал: как тебя в палаты царские доставлю, ему об этом лично доложить, а уж опосля и он на заседание боярской думы с царицей-матушкой пожалует.

— Стратег, — одобрительно кивнул головой Виталий. — Однако что-то назревает. Не знаешь, из-за чего сыр-бор?

— А тебе Янка не сказала? — настороженно спросил Федот.

— Нет.

— Ну, тогда и я не скажу, — улыбнулся в усы сотник. — Иди, сплетник, не задерживай. Одного тебя все ждут.

Юноша не стал перечить. Он приветливо махнул рукой стрельцам, застывшим в почетном карауле у дверей, и вошел в тронный зал. Бояре при виде царского сплетника надменно задрали бороды и бороденки вверх и демонстративно отвернулись. Нового фаворита царя-батюшки в этой среде не жаловали, именовали не иначе как безродным выскочкой и говорили с ним через губу, несмотря на все его заслуги перед отечеством. Лишь войсковой воевода боярин Кондыбаев приветливо махнул рукой. Остальные же члены боярской думы старательно делали вид, что царского сплетника здесь нет, и продолжали заниматься своими делами. А дел сегодня у думы было невпроворот: бояре злословили, шушукались, обменивались последними новостями и играли кто в кости на щелбаны, а кто в подкидного дурачка в ожидании державного. Ну и, разумеется, гадали, по какому поводу на этот раз Гордон созвал ни свет ни заря на экстренное заседание боярскую думу. Предположений было много, но все сходились во мнении, что, чем бы это заседание ни закончилось, кошельки растрясать по-любому придется, так как царь-батюшка, дай Бог ему здоровья, да со всего размаху, вечно привечает всяких иноземных проходимцев за их, боярский, счет. Виталик огляделся и понял, что ему даже притулиться негде. Все лавки были заняты боярскими задами. Лишь скромное кресло неподалеку от тронов Гордона и Василисы пустовало. К нему царский сплетник и направил свои стопы. Бояре тут же заметили и недовольно зароптали:

— Ишь, к царю-батюшке поближе пристраивается!

— Совсем одолела худоба безродная!

— Дык... он ему вроде жизнь спас...

— Так то бабушка надвое сказала. Можя, спас, а можя, и сам злоумышлял. Иноземцы, они хитрющие!

— Верно баешь, Кобылин. Таперича сплетник ваще обнаглеет.

— Да уже обнаглел. Говорят, дверь в кабинет Гордона ногой открывает...

— И чем он кормильца нашего так приворожил, не пойму?

— Чё ж тут непонятного? С нечистой силой связался. Поселил-

ся-то вона где! На подворье Янки Вдовицы! А она самая что ни на есть ведьма!

— Ну, ты говори, да не заговаривайся, Буйский! Знахарка, а не ведьма. Ты, когда сам животом хворый стал, кого на свое подворье зазывал: лекарей иноземных али Янку Вдовицу? Вот то-то и оно. И называл ты ее тогда не ведьмой, а Янкой Лекаркой. Скажешь, не так? — сердито спросил Кондыбаев главу боярской думы.

— Вот завсегда тебе слово наперекор сказать надобно! Из-за таких, как ты, Козьма, род боярский и худеет! — зашипел на воеводу Буйский.

Назревающий скандал остановил рев труб.

— Государь всея Руси царь Гордон со своей супругой Василисой Прекрасной! — торжественно провозгласил глашатай.

Бояре начали прятать карты и кости по карманам, торопливо вскакивать с лавок. Поднялся со своего кресла и Виталик. Распахнулись узорчатые двери парадного входа, и в тронный зал вошли Гордон с Василисой. Бояре тут же начали усиленно, в пояс, кланяться. Виталик же лишь приветственно махнул рукой и дружески кивнул головой. Василиса невольно рассмеялась.

— Однако придворному этикету тебя придется подучить, — усмехнулся Гордон, помогая супруге усесться на трон.

— Извини, государь, — смутился царский сплетник, — непривычно мне это как-то.

— Придется привыкать. На первый раз прощаю, но впредь на официальных приемах изволь хотя бы один поклон, как положено, отвесить, — погрозил пальцем Гордон царскому сплетнику и махнул рукой, предлагая боярской думе садиться. Бояре поспешили пристроить свои седалища на лавках. Виталик тоже попытался сесть, но Гордон его жестом остановил.

— Не спеши, царский сплетник. Мы с тобой еще за пиршественным столом успеем насидеться.

— Опять? — страдальчески сморщился Виталий. — Три дня ж уже гуляли.

Его страдальческая физиономия вызвала положительную реакцию со стороны Василисы. Царица-матушка одобрительно кивнула, но голоса не подала.

— Гуляли, но не в таком же составе! — обвел рукой боярскую думу Гордон. — Или ты что, новый сан обмывать не собираешься?

— Какой сан? — насторожился царский сплетник.

— Сейчас узнаешь.

Царь Гордон трижды хлопнул в ладоши, и в тронный зал вошли слуги.

— Объявляю свою царскую волю! — торжественно провозгласил Гордон. — За раскрытие заговора супротив короны и спасение жизни

первого лица государства жалую моего царского сплетника Войко Виталия Алексеевича саном боярским и шубой со своего плеча!

Гордон взял из рук первого слуги горностаевую шубу и лично накинул ее на плечи обалдевшего от такой чести журналиста. Второй слуга с поклоном передал царю боярскую шапку, которую Гордон тут же напялил на голову Виталику. Довершил картину боярский посох, плюхнувшийся в руки царского сплетника.

— Специально для тебя делан, — подмигнул Виталику Гордон. — Ты постоянно во что-нибудь влипаешь. Вот этим посохом, в случае чего, и отмахнешься.

Посох действительно был хорош. Острый, словно пика снизу, он был украшен сверху массивным набалдашником. Виталик взвесил посох, проверяя баланс.

— Свинцом, что ли, залит? — полюбопытствовал он, разглядывая резной набалдашник.

— С первого раза угадал! — восхитился царь. — Ну что, по руке посох будет?

Посох замелькал в руках царского сплетника с такой скоростью, что бояре ахнули.

— Еще как по руке! — одобрил подарок Виталий.

— Я знал, чего дарить, — самодовольно сказал царь. — Не первый год с боярской думой воюю. Ну, сплетник, теперь твое место рядом с ними, — кивнул он на тихо ропщущую боярскую думу.

Виталий покосился на смотрящих на него зверем бояр и отрицательно качнул головой.

— А можно я здесь посижу? — кивнул он на кресло, стоящее особняком.

— Тебе можно! — решительно махнул рукой царь.

— Гля-кось, — завистливо прошипел кто-то из бояр, — не успел шапку боярскую получить, и сразу под бочок к царю-батюшке подкачивается. Место потеплее занять норовит.

— Не, это он в оппозицию от нас уходит, — догадался какой-то особо грамотный боярин. — Супротив боярской думы что-то задумал.

Виталику стало откровенно смешно. Царский сплетник еще раз воинственно крутанул в руке посох.

— Это кто тут против оппозиции? — весело спросил он.

Боярская дума тут же прекратила роптать, зато подал голос царь.

— Ну, предположим, я, — сказал он, с любопытством глядя на сплетника. Гордону явно было интересно, как царский сплетник выкрутится.

Виталий его не разочаровал.

— Ты — царь, а не боярин, так что ты не считаешься.

— А если я за, — лукаво спросил Гордон, — то буду считаться?

— Ну это же другое дело! Считаю, что ты записан в оппозицию. Ну,

а кто против нас с царем-батюшкой? — спросил юноша боярскую думу, поигрывая посохом.

Василиса Прекрасная звонко расхохоталась.

— Ну и наглец же твой новый боярин, — сообщила она мужу.

— Зато теперь с такой-то оппозицией я с ними быстро разберусь! — дружелюбно хлопнул по плечу Виталика Гордон.

— А можно я тоже в оппозицию запишусь? — подал голос боярин Кобылин.

— И я. Я тоже в оппозицию хочу...

— И я!

— И я!

Буквально через несколько секунд выяснилось, что боярская дума в полном составе решила срочно записаться в оппозицию, что очень порадовало царя-батюшку.

— Редкое единодушие, — умилился он, — любо-дорого смотреть. Молодец, сплетник. Умешь находить подход к людям. Однако, если все в одну дуду гудеть будут, скучно станет. Это что ж, мне на заседаниях боярской думы даже гонять некого будет? Не, так не дело пойдет. Оппозицию распускаю! У кого есть возражения? — Гордон начал засучивать рукава. — Давайте, давайте, не задерживайте, а то мне очень хочется приступить к прениям.

— Ты бы, царь-батюшка, процедуру присвоения титула боярского хоть до конца довел, — удрученно вздохнула Василиса Прекрасная, — а потом к прениям сторон переходил.

— Ну да... — почесал skipетром затылок Гордон, заставив корону съехать на лоб. — Присяга. О ней я как-то позабыл. Давай, сплетник, присягай мне на верность.

— Сейчас... — Виталий набрал в грудь воздуха побольше. Единственная присяга, которую он в своей жизни давал, была воинская присяга, а вот как присягают царю, он в упор не знал, а потому начал импровизировать на ходу: — Клянусь служить отчизне до последней капли крови... э-э-э... всех ее врагов и обломать вот этот посох о спины непокорных воле царя-батюшки. Так пойдет? — спросил он у Гордона, закончив речь. — От ритуала недалеко ушел?

— Нормально, — одобрил царь, — садись.

Виталий сел в присмотренное ранее кресло, Гордон взобрался на трон. В царской шубейке, да еще и в боярской шапке юноше сразу стало жарко, и он поспешил стянуть шапку с головы и пристроил ее у себя на коленях, вызвав очередной смешок из уст Василисы Прекрасной.

— Ты бы шапку-то надел. Не на паперти чай, — посоветовала она. — А то бояре опять сбрасываться начнут.

— Пусть сбрасываются, — буркнул царский сплетник, но все же шапку натянул обратно на голову, — глядишь, и на терем боярский наскребут. Не вечно же мне на постое у Янки состоять.

— Ты что-то против имеешь? — прищурилась царица.

— Нет, — улыбнулся Виталик, — веселое у нее подворье. Не соскучишься.

— И от палат царских недалеко, — кивнул Гордон, — однако резон в твоих словах есть, сплетник. Жалую тебе подъемные в размере тысячи золотых из казны царской... — При этих словах Василиса расцвела, и Виталик сразу понял причину ее радости. Заклятие, которое царский сплетник назвал «синдромом Плюшкина», наложенное на Гордона неведомым врагом, начинало потихоньку рассеиваться под действием защитных чар Василисы и благодаря лекарскому искусству Янки Вдовицы. — ...И земельный надел, соответствующий сану боярскому, — продолжил свои благодеяния царь. — Отписываю тебе Заовражную низменность. Вся эта территория вместе с Засечным кряжем и Сварожской гатью отныне твоя!

Боярская дума при этих словах так радостно загомонила, что Виталик почувал неладное.

— Земли хорошие, прибыльные, — начал расхваливать свой подарок Гордон. — Урожай хороший дают... давали.

— Вот только желающих на эту землю немного, я угадал? — спросил царский сплетник.

— Так то по скудоумию своему бояре неразумные от подарка отказываются, — скривился царь. — Народишко глупый пошел, суеверный. Но ты не сомневайся. Таких земель, что я тебе пожаловал, ни у кого на Руси нет. Умному человеку есть где развернуться. Глядишь, я к тебе еще и на охоту приезжать буду... если, конечно, с эльфами сумеешь договориться.

— С кем? — ахнул Виталий.

— С местными жителями.

— Эльфы — местные жители? — недоверчиво спросил Виталик. — С каких это пор в наших исконно русских землях эльфы местными стали?

— С тех пор, как с западных земель сюда мигрировали, — тяжело вздохнул Гордон. — Пришлось дать им вид на жительство.

— Пришлось? — испытующе посмотрел на царя новоиспеченный боярин.

— Пришлось. А ты попробуй не дай! Они знают, как из луков стреляются. Опять же мы что, звери, чтоб не дать приют бездомным? Короче, отдаю их под твою руку вместе с вампирами, оборотнями, лешими, гномами и болотниками с чертями.

— Чертями?

— Ну да. Чертова мельница тоже в твоих землях стоит. А ты что, об этом не знал?

— Не знал.

— Ну, теперь знаешь.

— А гоблинов и троллей там случайно нет?

— Откуда я знаю, кого туда еще занесло? Я что, дурак туда теперь свой нос совать?

— Да-а-а...

— Чего замолк? Благодарю давай.

— Спасибо тебе, отец родной, — обреченно выдохнул Виталик, — за подарок твой офигительный. Век не забуду твой доброты.

Он уже понял, что помимо буйной компании подворья Янки Вдовицы на него навесили не менее буйные земли, заселенные родной и иноземной нечистью, с которой ему теперь придется налаживать отношения. И это не считая огромного объема работ, связанного со строительством типографии для организации газетного дела и книгопечатания на Руси.

— Вот и умница, — кивнул Гордон. — В земли свои без свиты боярской не лезь. И, пока там не утвердишься, к троллям не суйся. Запрещаю категорически. В момент сожрут. Ну свита, я так полагаю, у тебя уже есть. Ты с ней на днях Великореченск штурмом брал, так что опереться на первых порах тебе будет на кого. Для холопов твоих уже и одежды специальные пошиты. — Царь резво спрыгнул со своего трона и подал руку супруге, помогая и ей спуститься. — Ну, а теперь все на пир! Чествовать нового боярина будем!

Виталий еще раз обреченно вздохнул и поплелся за царственной четой в пиршественный зал. Все эти чествования ему уже порядком надоели. Подручные дона Хуана де Аморалиса, из тех, кого живыми взять сумели, в узилище четвертый день сидят, допроса ждут, а они все празднуют! Если так дальше будет продолжаться, недолго и в запой уйти. Как бы поделикатней намекнуть, что неплохо бы и делами заняться: царскому сплетнику — типографскими да вновь навязанными ему боярскими, а царю-батюшке — государственными?

Ближе к полудню от благих намерений царского сплетника не осталось и следа. Пир царь-батюшка закатил на славу. Здравницы в честь спасителя отечества произносились одна за другой, водка, медовуха и дорогое заморское вино лились рекой, а потому скоро застолье плавно перешло от здравниц к банальным примитивным анекдотам порой довольно фривольного содержания, которые бояре называли байками и по очереди рассказывали под водочку с огурчиком и жареным поросеночком с хренком. Разумеется, это не все, что было на столе, который буквально ломился от яств, но лучше всего водочка шла именно под жареную хрюшку. Дошла очередь и до царского сплетника.

— Давай, боярин, — усмехнулся Буйский, — повесели общество своей байкой.

Виталик, который рассчитывал, что его минует чаша сия, слегка растерялся. Он как журналист знал бесчисленное множество довольно забавных анекдотов, профессия обязывала, но ни один из них не

прокатывал в этом обществе. Ни царь, ни бояре их просто не поймут! Вот разве что загнать чего-нибудь из жизни братьев наших меньших, да подвязать анекдот под великореченские реалии...

— Ладно, так и быть. Загну вам один забавный анекдот.

— А это еще что за зверь? — не понял Буйский.

— Байка, — пояснил Виталий.

— Так бы сразу и сказал, — фыркнул боярин Кобылин, — а то бросается словами иноземными...

— А кто тебе мешает их выучить? — задиристо спросил царский сплетник. — В наше время без знания языков...

Гордон отрывисто рассмеялся, и юноша поспешил заткнуться. Уровень его знаний в этой области (три пишем, два в уме) царь-батюшка выяснил при первом же знакомстве со своим новым подданным.

— Давай свой анекдот, — благожелательно кивнул Гордон.

— Что такое черепахи, знаете? — на всякий случай спросил Виталик.

— Да что ж ты, сплетник, нас совсем за темных держишь? — загомонили бояре.

— Знамо дело, знаем!

— Вона их сколько возле реки Великой ползает.

— Это радует, — кивнул царский сплетник. — Ну, слушайте. Решил однажды дон Хуан де Аморалис... — Бояре встрепенулись. Имя дона Хуана, организатора нападения на царя, у всех было на слуху. — ...Устроить в Великореченске зоопарк.

— А что такое зоопарк? — недоуменно спросил боярин Жеребцов.

— Место, где зверей всяких экзотических в клетках держат, — терпеливо пояснил Виталий.

— А зачем это ему надоть? — удивился боярин Засечин.

— Выпендриться захотел. — Царский сплетник начал потихоньку закипать. — Показать, какой он умный и интеллигентный.

— Врешь ты все, сплетник, — тяжеловесно бухнул боярин Буйский, — не было у дона Хуана де Аморалиса никакого зоопарка.

— Так это же байка! — начал срываться Виталик, — Ну, скажем так: предположим, что дон Хуан де Аморалис решил однажды устроить в Великореченске зоопарк.

— А-а-а...

— Предположим...

— Ишь, мудрено-то как.

Чуя, что анекдот безобразно растягивается, рискуя потерять свою изюминку, Виталик зачистил:

— И вот заказал он себе из разных стран зверей диковинных: тигров, львов да леопардов всяких, ну и из местной живности немножко зверей набрал. Волков, лисиц, медведей и черепах. В клетки всех зве-

рей посадил и охрану к ним решил приставить, чтоб кто-нибудь чего-нибудь не спер.

— Это да!

— На Руси это могут, — загадели бояре.

— А потому охранять зверей он парочке своих ассасинов¹ приказал, — продолжил рассказ юноша.

— Кому? — переспросил боярин Засечин.

— Ассасинам, — раздраженно ответил Виталий. — Своим русским ниндзя обдолбанным, что с утра до вечера чертов табачок нюхают. Секта такая. Вы что, забыли, с кем стрельцы в римских термах рублились, когда на царя-батюшку покушение было? Трое из них, между прочим, до сих пор в тюрьге сидят, допроса дожидаются.

— А-а-а...

— Вот они какие, ассасины!

— Ишь, мудрено-то как!

— Царь-батюшка, — взмолился Виталик, — дай досказать смешную историю: прикажи им заткнуться. Не доводи до греха. Если они меня еще раз о чем-нибудь спросят, точно кому-нибудь голову откручу.

Василиса Прекрасная прыснула в ладошку.

— Продолжай, сплетник, свою байку сказывать, — махнул рукой Гордон, — у тебя это здорово получается. Вишь, как царицу-матушку зацепило. Еще досказать не успел, а уже развеселил. А вы помолчите! — прикрикнул он на бояр. — У царского сплетника слово с делом не расходится. Если пообещал голову открутить — значит, открутит.

За пиршественным столом тут же воцарилась тишина, и юноша наконец-то сумел довести до конца свою байку.

— И вот посадил он своих ассасинов обкуренных зверушек охранять. Ну, охраняют они, охраняют, и по ходу дела чертов табачок покуривают. Обкурились в хлам! Один обкуренный второму и говорит: «Слышь, друг, а ведь черепахам воздух нужен». «Верно, — отвечает второй ассасин, — они же в клетке сидят, как бы не задохнулись». — «Давай им клетки откроем, чтоб проветрились». — «Давай». Сказано — сделано. Открыли клетки. Наутро приходит в свой зоопарк дон Хуан де Аморалис — нет черепах. Начал он трясти своих ассасинов: «Где черепахи, мать вашу!!!» Ассасины ему и отвечают: «Да вот решили мы черепахам клетки проветрить, чтоб не задохнулись, дверцы открыли, а они как в них ломану-у-ули-и-ись...».

¹ Ассасины (от арабского *assassini* — хашишин, потребитель гашиша). В средневековых хрониках так называли персидских и сирийских исмаилитов-низаритов (шиитская ветвь ислама, возникшая в VIII веке в Багдадском халифате). Существуют расхожие представления о низаритах как о террористической секте, члены которой, одурманенные наркотиком фанатики, совершают многочисленные убийства на политической и религиозной почве.

Несколько секунд в пиршественном зале стояла напряженная тишина, а затем подал голос боярин Буйский.

— Нет, пусть мне голову отвернут, но я хотел бы знать: на фига открывать дверцы: в клетках же для воздуха завсегда дырки есть!

— Тьфу! — не выдержал Виталик. — Царь-батюшка, можно, я его все-таки убью?

— Посох новый опробовать не терпится? — рассмеялся Гордон, засучивая рукава. — Это дело! Я тоже давненько скипетром не работал. Сейчас мы с ними со всеми разберемся.

— А не пора ли тебе делами государственными заняться, сокол мой ясный? — ласково спросила своего царственного супруга Василиса Прекрасная. — Да и вы, гости дорогие, поели, попили, теперь пора и честь знать, — обвела она строгим взглядом боярскую думу.

Царь-батюшка сразу обмяк, как спущенный воздушный шарик, а боярская дума, уловив намек, дружно выползла из-за стола и начала откланиваться. Только царский сплетник вместе со всеми не спешил. Слова царицы о делах государственных напомнили ему о том, с чем он сюда поутру наведаться собирался. На вопросительный взгляд Василисы тихо ответил: «Дело у меня к царю-батюшке есть», — и как только за последним боярином закрылась дверь, выложил на стол табакерку.

— Знатной работы вещича, — вскинул брови царица. — Если мне память не изменяет, тетушке моей принадлежала. Янка дала?

Виталик утвердительно кивнул головой.

— На время попользоваться.

— И зачем ты ее сюда притащил? — недоуменно спросил Гордон.

— Чтобы показать вам вот это, — открыл шкатулку юноша, продемонстрировав царственной чете дрыхнувшего в табакерке черта. Он так сильно набрался в Янкиной подклети, что до сих пор еще похрюкивал и повизгивал во сне.

— Откуда он у тебя? — нахмурилась Василиса.

— Из подвала Янки Вдовицы, — ответил Виталий. — Попытался сообщить, что, если я кому-то там буду мешать, меня убьют, но накнулся в подвале на бочку с вином и не устоял перед искушением.

— От кого он сообщение пытался передать? — резко спросил Гордон.

— Как протрезвеет, уточню, но в принципе догадаться и так нетрудно.

— Так от кого? — напряглась Василиса. — Не томи, сплетник.

— Думаю, это от Дона к нам привет пришел.

— Ты чего городишь? — опешил Гордон.

— А от кого ж еще? — пожал плечами царский сплетник. — Кощей, пока я при смерти лежал, своей мертвой и живой водой меня, можно сказать, с того света вытащил. По собственному почину, между прочим. Так что мы с ним почти замирились. А Дон лошадка темная. Да и

послание было в чисто сицилийском стиле изложено. Тухлая рыба на крыше в ореоле красных роз. И для особо одаренных, незнакомых с языком сицилийской мафии, надпись: «Будешь мешать — убьем».

— Во подставу кинули! — ахнул Гордон.

— Говорила тебе: доиграешься! — хмыкнула царица.

— Вы о чем это? — насторожился Виталик.

— Ни о чем, — сердито отмахнулся царь. — Просто возмущаемся.

— А-а-а... понятно. Я ведь потому о собственном тереме и задумался, — честно признался царский сплетник. — Хозяйку мою риску подвергать не хочу. Охоту-то на меня открыли, но, если Янка все время под боком будет, в разборке запросто могут пришибить и ее.

— Ясно, — скрипнул зубами царь. — Значит, так, сплетник. Топай домой, и пока я с этим делом не разобрался, с подворья Янки Вдовицы ни ногой! Федоту передай, чтоб десяток лучших стрельцов для охраны вашего подворья выделил, и еще один десяток персонально для тебя пускай дает.

— Да на шута мне столько? — испугался Виталик.

— Для охраны! Нет, лучше я сам скажу. Так надежней будет. Ну, царский сплетник, давай на посошок, и двинули.

Гордон со своим новым боярином под неодобрительным взглядом Василисы выпили на посошок, после чего царь с трудом поднялся и, слегка пошатываясь, направился к выходу.

— И куда ж ты, сокол мой ясный? — грустно спросила Василиса.

— Кое с кем по душам потолковать надо, — сердито буркнул царь. — А ты чего расселся? — прикрикнул державный на царского сплетника. — Бегом домой. Сиди там и Янку охраняй, пока все не утрясется.

— Уже бегу. — Виталий захлопнул табакерку, засунул ее обратно в карман и выскочил из-за стола.

В последнее время домой ноги несли его сами. Что бы он ни говорил о собственном тереме, подворье Янки Вдовицы стало для него настоящим домом. Там его ждала любимая девушка с парой разбитных пушистых оборотов, без которых жизнь была бы так скучна!

3

На полпути к подворью Янки Виталий внезапно передумал. Он увидел впереди отряд стрельцов, двигавшийся в ту же сторону, сообразил, что это Гордон направил охрану к своей родственнице, сразу успокоился за Янку и резко вильнул в сторону, пока не попался второму отряду, который должен был охранять его персону. Вместо подворья юноша направил стопы в сторону трактира «У Трофима», решив, что пора загрузить работой свою новую свиту, состоящую из бывших пиратов. Однако дойти до него не успел. Из толпы горожан,

случившейся на его пути, выдавился огромный бородатый детина и бросился ему в ноги.

— Не погуби, отец родной! — со слезами на глазах завопил бородач.

— Малюта? — опешил Виталик. — Да встань ты, неудобно же. Народ шугается. — Юноша помог подняться палачу и затащил его в ближайший проулок. — Что случилось?

— Царь-батюшка запретил без тебя смертников трогать!

— Каких смертников? — нахмурился царский сплетник.

— Тех, что против государя нашего замышляли.

— Ассасины, — сообразил Виталик. — Ну и чего ты от меня хочешь?

— Выручай, отец родной! Который день без работы! Сапожок испанский все примерить не могу. Табуреточка моя с кольшком без дела стоит. Сам придумывал, лично! Еще день-два, и я так без работы загнусь, что и смертнички вместе со мной загнутыся.

— Чего?!!

— Так опыт же теряю! Квалификация падает. Когда ж ты на работу-то выйдешь, отец родной? Душа горит, руки чешутся.

— Тьфу! — сплюнул Виталик. — Твою б энергию да в мирных целях. Потерпи еще денек. Завтра мы с Гордоном навестим твое заведение, снимем допрос с злодеев. А сейчас извини, дела срочные у меня.

— Завтра, значит? — расцвел палач. — Ну, наконец-то! Слава тебе, Господи! Пойду колышек подзаточу, щипчики накалю, на крысах проверю.

— Так ты на крысах тренируешься, — невольно рассмеялся царский сплетник.

— А на ком же еще? Пищат, сволочи, душа радуется.

— Ну, иди тренируйся, маньяк, — милостиво разрешил Виталик. — Если ассасины завтра упрутся рогом и уйдут в глухую несознанку, разрешу испытать на них испанский сапожок.

Палач не пошел. Окрыленный посулами царского сплетника, он побежал! Юноша покачал головой и возобновил свое движение к трактиру.

В заведении Трофима новоиспеченного боярина ждал сюрприз. Его свита не сидела спокойно на постоялом дворе. Она оккупировала половину трактира и обмывала свое новое назначение. Все щеголяли в роскошных зеленых кафтанах, зеленых портках и зеленых сапогах. А во главе его свиты сидел даже не боцман Семен, что было бы логично, а Ванька Левша — личный столяр-кузнец царского сплетника. И что интересно, бывшие пираты относились к нему с большим почтением.

Заметив вошедшего в трактир шефа, его свита разразилась восторженными воплями. Все повскакивали со своих мест, кинулись на-

встречу, подхватили слегка обалдевшего от таких бурных проявлений чувств боярина на руки и усадили за стол на самое почетное место.

— Приказывай, боярин! — загомонили пираты. — На кого сегодня идем?

— Еще не знаю, — пробормотал юноша, с любопытством разглядывая одежду своей свиты. — Это кто ж такие цвета подбирал?

— Царь-батюшка лично распорядился, — степенно отвечив Ванька Левша. — Чтоб, значит, среди листы неприметней быть, чтобы эльфы из своих луков сразу всех стрелами не перебили.

— Ну, Гордон, — покрутил головой Виталик, — удружил. Так... Семен со своей командой в зеленое облачился, это я понимаю. Они — моя воинская свита, им это в лесу будет нужней, а ты-то зачем?

— Так я же... — растерялся Ванька Левша.

— Так ты же прокоптишь его около горна в своей кузнице.

— Но я же... как это... первопризванный, — расстроился Левша. — Первый под твою руку пошел. Типа как сотник теперь. Как мне без зеленого кафтану?

— Вот теперь все ясно, — рассмеялся царский сплетник. — Зеленый цвет становится цветом моего дома. Прямо хоть герб заказывай. Ладно, носи. Но не забывай, что ты в первую очередь мой главный технический специалист, а не воин. Все понял?

— Ага, — обрадовался кузнец. — А кафтан я, боярин, сберегу, не сумлевайся. Одевать токмо по красным дням буду, а у горна и вовсе сьму. Да, боярин, — прогудел Левша, — а главный технический специалист — это главное, чем сотник?

— Спрашиваешь! Воинов много, а таких кузнецов, как ты, раз-два и обчелся, — успокоил его царский сплетник. — Так что свитой моей пусть командует Семен, — хлопнул боцмана по плечу Виталик, — а ты командуй железками и деревяшками. В этом деле будешь моя правая рука. Лады?

— Лады, — расплылся в довольной улыбке Левша и повернулся к пиратам. — Слыхали? Я его правая рука! Так-то вот! Ладно, так и быть, теперь тебя сотником назначаю, — обрадовал он Семена.

Виталик рассмеялся.

— Борзеешь на ходу. Но вообще-то мыслишь в правильном направлении. Семен будет моя левая рука. И запомните все одно золотое правило: вы отныне моя боярская свита, и все должны не только за меня и близких мне людей, но и друг за друга стоять горой. Если Янку Вдовицу или, скажем, сестру али племянку Ваньки Левши кто обидеть посмеет, все как один на защиту рвануть должны. Это всем ясно?

— Ясно! — дружно гаркнула свита Виталика.

Такие порядки всех устраивали.

— А мы тебя тут давно ждем, боярин, — сообщил Виталику Семен. — Столик вот накрыли.

• Царский сплетник
и дочь тьмы •

1

Виталик сидел на уже привычном для себя месте, по правую руку от царя-батюшки Гордона, невозмутимо поигрывая боярским посохом. Сидел и потел в своей горностаевой шубе с царского плеча, которую вместе с боярской шапкой обязан был надевать на все официальные заседания боярской думы согласно протоколу, хотя в думе сегодня и без того было жарко. Страсти в тронном зале кипели нешуточные, и, надо сказать, повод для негодования у бояр был. Наконец-то вышел первый номер давно обещанной царским сплетником газеты «Великореченский вестник», экземпляр которой был у каждого боярина в руках.

— Нет, ты как хочешь, царь-батюшка, а я правду-матку прямо в наглую рожу ентому басурманину скажу! — разорвался боярин Кобылин, потрясая пахнувшей свежей типографской краской газетой. — Вы только посмотрите, бояре, на что такие огромные деньжищи пошли! Ентот изверг на наши же денюжки на нас хулу возводит! Да ентот газетенкой только в отхожем месте подтираться! Боле она ни на что не годна!

— А вас, боярин, не смущает, что на ней портрет государя нашего нарисован? — полюбопытствовал Виталик. — Решили, значит, царем-батюшкой подтереться?

Боярин Кобылин так и застыл с открытым ртом.

— В кандалы его, — щелкнул пальцами Гордон.

Стрельцы заломили руки недалекому боярину и выволокли его из тронного зала.

— Слышь, Гордон, — прошептал уголком губ Виталик, — а ты не перегибаешь палку?

— Нормально, — так же шепотом откликнулся царь. — Считай, первый выпуск уже окупил. Я с него, гада, не меньше пяти тыщ за оскорбление моего величества слуплю, а потом пусть катится на все четыре стороны.

— Ха! Первый выпуск... Да на такие деньги годовой тираж поднять мож... — Виталик прикусил губу.

— Это у тебя такая себестоимость? — ахнул Гордон. — Так наши соглашения пора пересмотреть.

— Ты не учитываешь вложений в производство карандашей, — заволновался царский сплетник. — Дело новое, неосвоенное, больших денежных вливаний требует...

Виталик нагло врал. Залежи графита, обнаруженные в тролльих землях Засечного Кряжа, решили все проблемы разом. Теперь, когда у него в Заовражной низменности есть мощная производственная база, а на подворье Вани Левши развернуты типографские цеха, смешать графит в нужной пропорции с глиной, обжечь и упаковать в деревянную заготовку трудностей не составляло. Новинка великореценцам и купцам иноземным пришлось по вкусу. Последние теперь скупали оптом не только бумагу по невероятно низким ценам, но и карандаши разной степени твердости большими партиями, везли все это за границу и загоняли там втридорога. Надо сказать, победа над шемаханской царицей принесла немалые дивиденды Виталику. Илаха, как оказалось, готовилась к вторжению не один год, и после поражения не все ее подручные сумели уйти через портал, а с тех, кто остался без поддержки своей богини, вмиг сошло заклятие личины. Народ русский по природе своей сердобольный, в капусту крошить да измываться над полоняниками не стал, а просто пристроил их всех к делу на общественно полезные работы. Больше всего этих полоняников оказалось в Заовражной низменности, что резко сократило сроки строительства целлюлозно-бумажного комбината и типографии.

Сидевшая по левую руку от царя Василиса Прекрасная удрученно вздохнула:

— Может, государственными делами займетесь, бизнесмены?

— Угу, — закивал головой Гордон, — это мы запросто. Это мы сейчас. Так, кто еще царем-батюшкой подтереться хочет? — повысил голос державный.

— Что ты, государь! — загомонила боярская дума.

— Как можно!

— Она как новости в ей важные прописаны! Хрезентация тюрьмы после евроремонта... Тьфу! Прости, господи! Слова-то как непонятные, иноземные.

— Опять же на ей лик твой лучезарный нарисован.

— Рядом с иконами повесим. Молиться на него будем!

Это известие царя явно расстроило. Он понял, что акция получилась одноразовая и больше денег по-легкому срубить не удастся. Впрочем, еще не все было потеряно. Со своего места поднялся боярин Жеребцов.

— Я вот только не понял, царь-батюшка, пошто царский сплетник лик твой светлый с каббалой антихристовой рядом начертал? — вкрадчиво спросил он. — И награду объявил за решение этого хресс... кресс...

— Кроссворда, — подсказал Виталик, с трудом сдерживая зевоту. Он всю эту ночь не спал, готовя первый выпуск газеты, и усталость давала о себе знать.

— Хроссвор... Тьфу! Нехристь басурманская! И не выговоришь. Так я что сказать хочу, царь-батюшка. Уж не за голову ли твою светлую он награду объявил? А вопросы-то какие издевательские начертал! Ты только послушай, царь-батюшка! Кто сидит на лавке ровно, гневно посохом стуча?

— Что скажешь на это, сплетник? — весело спросил Гордон.

— А чего мне говорить? Вот кто отгадает да слово правильное в нужную строчку или столбец впишет, тому и награда достанется. Если, конечно, все слова правильно впишет.

Боярская дума зашуршала газетами.

— Кто же это может быть? — начал чесать затылок боярин Жадин.

— А сколько букв? — поинтересовался Гордон.

— А ты по клеточкам подсчитай, царь-батюшка, — хмыкнул Виталик.

Все начали считать.

— Четыре.

— Точно четыре.

— Кто же это может быть? — Василиса тоже заинтересовалась.

— Говорю же вам, антихрист он, колдун! — завопил боярин Жеребцов. — На костер его! Он и тебя, царица-матушка, околдовал, и думаю...

— Точно! Дума! — радостно треснул по подлокотнику трона царь, выудил из кармана карандаш и вписал первое угаданное слово.

Дума дружно треснула себя ладонями по лбу, да так что боярские шапки полетели на пол, и тоже начала портить бумагу.

— Я ж говорю, всех околдовал, — протонал боярин Жеребцов. — Куда только Малюта смотрит! На кол его надо, на кол!

Однако Малюте было в тот момент не до того. Забыв о том, что он работает здесь пугалом (именно для этой цели по совету Василисы Гордон начал приглашать его на заседания боярской думы), специалист по дыбе и испанским сапогам крадучись подбирался к трону, чтобы подсмотреть, что там на газете царапает державный.

— Чего тебе, Малюта?

— Да тут вопросик непонятный. Кто в темнице сырой за царя-батюшку горой? Пять букв.

— Иди отсюда! — зарядил царь скипетром по лбу Малюте. — Не подглядывай!

— Ну что тебе стоит! — заканючил палач, потирая набухающую шишку. — Ты ведь такой умный, первое слово сразу угадал...

— Иди отсюда, а то палачу отдам!

— Да я и есть палач.

— О! Точно. Палач!

Гордон с удовольствием вписал в кроссворд второе угаданное слово.

— Ну вот, и палач околдовал! — окончательно расстроился боярин Жеребцов и начал вписывать в кроссворд отгаданное Гордоном слово. — Гмм... а по буквам подходит. Действительно палач.

— А вы читали анекдот про конюха и купеческую дочку? — спросил кто-то из бояр.

Ответом ему был дружный хохот.

— Это что, — утирая выступившие от смеха слезы, выдавил из себя боярин Калита. — А вот анекдот про стрельца, который в шкафу от музенька зазнобы прятался...

Тут уже вся дума просто рухнула.

— И у кого-то еще хватает наглости ругать мою газету, — хмыкнул юноша.

— Слышь, сплетник, а награда-то какая будет? — Царь-батюшка азартно разгадывал кроссворд.

Свой бесплатный экземпляр газеты он получил гораздо раньше поданных, успел поржать над анекдотами, и теперь его интересовал только приз.

— Я хоть и не царь, — хмыкнул Виталик, — но награда будет царская, поверь мне.

Это обещание заставило всю думу встрепенуться, и бородатые бояре устроили настоящий мозговой штурм. Царский сплетник довольно улыбнулся. Все пока шло нормально, строго по намеченному им плану. Даже царь-батюшка ведет себя пока корректно. До сих пор не прокололся. А вот царица-матушка волнуется. Может, стоило ее все же посвятить во все детали? Впрочем, теперь уже поздно.

— Слушай, сокол мой ясный, — не выдержала-таки Василиса, — это что такое? На заседаниях боярской думы государственными делами надо заниматься, а не кроссворды отгадывать. Вон китайский посол ждет не дождется, когда вы его вопрос решите.

— Да какие у него могут быть вопросы? — разозлился Гордон. — Дополнительные предпочтения на покупку дешевой бумаги себе выбить хочет. И не он один! Только вот им всем! — Пальцы державного сложились в дулю. — Торговать на наших условиях будем. А чего это китайский посол мне глазки строит? — нахмурился Гордон, заметив странные гримасы посла.

— А ты кукиш убери, — посоветовала Василиса. — На их родине так продажные женщины себя клиентам предлагают.

— Что?! — взревел Гордон. — На кол его!

— Никак нельзя, ваше царское величество, — сочувственно вздохнул Виталик. — Дипломатическая неприкосновенность, однако. Опять же войну нам объявят. Оно нам это надо?

— Да пока они до нас доберутся, в половецких землях сгинут. На кол!

— Царь-батюшка, а ты знаешь, сколько этих китайцев в Китае живет? — осторожно спросил Виталий.

— Сколько?

— Миллиард, если не больше.

— У-у-у... где ж мы их всех хоронить-то будем? Ладно, пусть живет. Не стоит превращать Русь в китайское кладбище. Да, посол, а ты чего, собственно, от меня хотел? Если насчет расценок на бумагу пришел говорить...

— Васаби... — сложив ручки на груди, начал кланяться посол.

— Что такое васаби? — нахмурился Гордон.

— Есть такое растение у них, — пояснил сплетник. — Китай славится своими специями. Видать, хочет нам их втюхать в обмен на секрет книгопечатания и производство дешевой бумаги.

— И как оно на вкус?

— С нашим хреном рядом не стояло, — патриотично заявил Виталик.

— Так давай им наш хрен продадим, — обрадовался царь. — У нас этого хрена до хрена!

Василиса схватила за голову.

— Да ему твой хрен на хрен не нужен! Ему технология производства газеты и бумаги нужна!

— Ну, это ты зря, царица-матушка, — хмыкнул царский сплетник. — Торговлю завсегда можно наладить. Они любят остренькие вещи.

— Ты этот вариант с ним проработай, — шепотом приказал Виталику Гордон.

— Как обычно, пятьдесят на пятьдесят? — так же шепотом спросил юноша.

— С ума сошел?! С тебя и двадцати пяти процентов выше крыши.

— Царь-батюшка, совесть поимей, мне земли надо поднимать, промышленность налаживать, к свадьбе с Янкой готовиться. А потом, где мои проценты за идею?

— Ты их уже получил. Двадцать пять и ни процента больше. Стоп, какие двадцать пять? Двадцать! Идея-то была моя.

— А...

— А то налог с тебя повышу до пятидесяти.

— Тьфу! Научил на свою голову бизнесу.

— Ну, вы закончили? — сердито прошипела Василиса.

— Еще нет, — поспешил уткнуться в газету державный.

— Опять! — простонала Василиса. — Заняться больше нечем?

— Да подожди ты, матушка! Всего три слова осталось. Сплетник, подскажи по-быстрому...

— Э нет, так не пойдет! — начал отнекиваться Виталик. — Своей головой думать надо.

— Да как ты смеешь, холоп! Я тебя на кол!

— Ни в коем случае! — заволновался боярин Жеребцов. — Мне всего два слова осталось отгадать. Пусть сначала приз выдаст, а потом можно и на кол. А еще лучше отрубить руки по самую шею, чтоб не писал всякую фигню! Хотя тот анекдот про тебя...

— Что, — взревел Гордон, — про меня?! А ну, где тут анекдоты? — начал листать он газету. — Я же вроде их все прочитал...

— Там имелся в виду не конкретно ты, а некий абстрактный царь, — успокоил его Виталик, — так что не парься.

— А-а-а... ну да, читал. Забавно. Хотя могу и на кол посадить.

— Учту на будущее, — пообещал Виталик.

Вопросы в первом напечатанном кроссворде были очень легкие, а потому скоро его почти все решили, но не до конца. Один, самый сложный, так и остался без ответа.

— Любимое холодное оружие ближнего боя японских самураев и ассасинов... любимое оружие... Ну, сплетник, ты загнул! — расстроился боярин Калита. — Кто ж такое отгадает?

— Да, вопрос с подвохом, — почесал бороду Гордон.

— Катана, — сердито буркнула Василиса. Чувствовалось, что царице-матушке этот цирк уже надоел. — Вписывай, получай свой приз и берись за дело.

— Не подходит, — огорченно вздохнул царь, — тут всего три буквы.

— Сай! — радостно крикнул боярин Надышкин, вписал последнее слово и воззрился на Виталия. — Это такой кинжал, у которого гарда с двух сторон загибается вперед параллельно клинку. Только это любимое оружие не честных самураев, а ниндзя. Неправильно вопросы ставишь. Ну, где твой приз, сплетник?

— Сейчас будет, — успокоил его Виталик, мысленно потирая руки, извлек из кармана массивный золотой перстень и только тут заметил стремительно наливающееся кровью лицо Гордона.

— Убью, сволочь!!! — Царь вырвал из рук сплетника приз, сорвался с трона и, потрясая скипетром, ринулся на боярина.

— Да что ж ты делаешь-то, царь-батюшка?! — взвыл Виталик.

Юноша одним прыжком настиг державного и повис у него на плечах.

— Его ассасины меня на перо посадить хотели, а я с ним либеральничать буду? На кол мерзавца! — продолжал бушевать царь, пытаясь зарядить скипетром по лбу боярину, но Виталик не давал.

Воевода с двумя дюжими стрелыцами подскочили к Надышкину и скрутили его в бараний рог. Федот растерянно посмотрел на царского сплетника. Тот отрицательно замотал головой.

— В тюрьму, — показал он глазами на дверь.

— Я не понял, кто тут царь: ты или я? — окончательно рассвирепел Гордон.

— Ты, царь-батюшка, ты!!! — радостно завопила боярская дума. —

На кол его, супостата! Пушай вместе с Надышкиным на ем повертится! Ишь, моду взял, царю-батюшке перечить!

— А вас не спрашивают! — рывкнул на них царь. — Все вон отсюда!

Боярскую думу вместе с китайским послом как ветром сдуло.

— Так что с ним делать-то? — покосился на Надышкина Федот.

Боярин извивался всем телом в руках стрельцов и мычал, пытаясь что-то сказать, но ему мешал торчащий изо рта кляп.

— В пыточную, — сердито буркнул Гордон, стрельнув виноватыми глазами на Виталика, и поспешил покинуть тронный зал.

— Ну, ты даешь, сплетник! — До Василисы дошел смысл происходящего. Царица поджала губы и решительным шагом пошла вслед за мужем.

— Господи, наконец-то! — расцвел Малюта, масляными глазами глядя на боярина Надышкина.

— Только попробуй хоть пальцем его тронуть до моего прихода, — сунул палачу под нос кулак царский сплетник.

— Ну, хоть испанский сапожок-то...

— Я тебе дам сапожок! Федот, проследи, чтобы этот маньяк без нас с царем-батюшкой наедине с ним не оказался.

— Сделаем, — кивнул воевода стрелецкого приказа.

Виталик тяжело вздохнул и пошел выручать своего венценосного друга. Он, конечно, и сам бы с удовольствием сделал Гордону втык за сорванную операцию, но раз за это дело взялась Василиса, то державного надо конкретно спасать.

Царский сплетник не ошибся. На дверь кабинета Гордона была наложена магическая печать, а ручка двери довольно ощутимо стрелялась током.

— Нет, ну что за дела! — расстроился Виталик. — Хоть бы табличку вывесили: «Не входить — убьет», череп с костями нарисовали. Учу их, учу. Тут же люди ходят!

Царский сплетник напряг слух. Из-за двери не доносилось ни одного звука. Похоже, Василиса заодно поставила и защиту от прослушки.

— Эх, не тому приз достался, — грустно вздохнул Виталий, извлек из кармана капсулу радионаушника и затолкал ее себе в ухо. Встроенный в призовой перстень радиомикрофон начал честно транслировать семейный скандал из кабинета державного.

— Ты что делаешь, урод? Такую хитроумную комбинацию царскому сплетнику загубил. Он тебе вражину на блюдечке выложил, с помощью газеты своей хитроумной вычислил, даже я не сразу поняла, что наши тугомудрые бояре на такой вопрос ответа знать не могут. Только тот, кто с ассасинами дела имел, такие тонкости об их оружии знает. А ты сразу на него с кулаками! Что, сдержаться не мог?

— Да как тут сдержаться, Василисушка? Этот изверг не только на

меня, он и на тебя, и на детишек наших злоумышлял. Да я ему его посох боярский через задний проход по самые гланды воткну!

— А умнее ничего придумать не смог? Не с посохом его забавляться надо было, а слежку устанавливать, связи его прощупывать и только потом всю шайку разом накрыть!

— Да мы так и хотели...

Судя по звуку, Гордон схлопотал от своей благоверной хорошую затрецину.

— Это сплетник хотел, а ты уже дохотелся. — Из капсулы послышался еще один смачный шлепок.

— Да хватит тебе!

— Мы зачем царского сплетника начальником ЦРУ поставили?

— Чтоб на измене сидел.

— Вот именно, дубина!

— Ну, ты полегче, я все-таки царь.

— Болван ты, а не царь. Чтоб без сплетника на допрос к боярину не ходил.

— Это еще почему?

— Опять все испортишь. Ну, сплетник! Жаль, что его здесь нет. Так хочется ему чем-нибудь тяжелым заехать!

— Ему-то за что?

— Мог бы свою царицу-матушку предупредить! Я бы тебя тогда удержать сумела.

— Оу-у-у... — Виталик отскочил от двери и начал шустро перебирать ножками по коридору в сторону выхода из царского дворца. — Нет уж, меня в свои разборки впутывать не надо. Мне и Янкиного ухвата хватает. Что за садистские наклонности у этой семейки? И вообще, чего пристали? Я белый и пушистый, никого не трогаю.

— Ладно, уломала, — донесся до него из капсулы сердитый голос Гордона. — Где там царский сплетник? С ним в пыточную пойду.

— Да он уже Янке под бочок небось закатился.

— Срамота! Чем мне выговаривать, лучше б вместо матушки на союз брачный племяшку благословила. Виталик второй месяц меня насчет свадьбы трясет, а я ему ни бе ни ме ни кукареку. Без благословения мамки с папкой нельзя! Для него это, знаешь ли, не аргумент. Янка у нас числится сироткой, да еще и вдовицей до кучи, а его родители вообще хрен знает где! Попробуй вытащи их из Рамодановска!

— Гордончик, сокол мой ясный. — Тон Василисы сразу изменился. Судя по всему, она начала ластиться к державному. (Виталик невольно притормозил и загаил дыхание. Вот оно! Сейчас все выяснится.) — Ты же знаешь, что этого сейчас делать нельзя. Пока мы не разберемся...

— Да пока мы разбираться будем, они внуками обзавестись успеют! Сама благословение не дашь, я за тебя это сделаю! Где там наш царский сплетник?

— Да что ж у тебя все время телега впереди лошади бежит? Видал, какие у него глаза сегодня были красные? Тебе не докладывали почему?

— Нет.

— Эх ты! Совсем своими подданными не интересуешься. Он всю ночь с Ванькой Левшой на его подворье газету и первый экземпляр печатной Библии делал.

— Вот я его и отблагодарю разрешением на свадьбу.

— Гордончик, пока мы все не выясним, не надо этого делать. И в пыточную с ним сегодня ходить не надо. Пусть отоспится, а потом со свежей головой...

— И что он со свежей головой? — ревниво спросил Гордон.

— Без всяких попыток у него все выведает. Он же хитрый! Пошли лучше в нашу спальню. Тебе после трудов праведных тоже отдохнуть не мешает.

— Но только чтоб в накрахмаленном передничке была, — сразу размяк державный.

— Как в прошлый раз? Буду, милый, обязательно буду.

— Опаньки! — округлил глаза Виталик и поспешил выдернуть капсулу из уха. — Ну, Янка. Больше ничего тебе рассказывать не буду. Все постельные тайны рамодановского бомонда выболтала. А вот на счет свадьбы что-то вы мне тут темните.

Это действительно было странно. Не только Василиса с Гордоном, но и Янка либо старательно избегали этой темы, либо откладывали решение проблемы на неопределенное «потом»...

2

Терем Янки Вдовицы давно уже стал для Виталика родным домом. Домом, в котором его ждут, домом, в который ноги сами несут. И это были не пустые слова. Не успел он переступить порог гридницы, как на него налетел счастливый вихрь, из которого материализовалась Янка. Девушка с ходу успела сделать сразу кучу дел: распцеловала его в обе щеки, добавила смачный поцелуй в губы, сдернула с головы сплетника боярскую шапку, с плеч горностаевую шубу с царского плеча и потащила все это в свою светелку, дробно топоча ножками по лестнице вверх.

Виталик улыбнулся, поставил боярский посох в угол гридницы и подсел к столу. По ступенькам вновь застучали ножки возвращающейся Янки. Еще миг, и девушка оказалась у него на коленях.

— Намайлся? — Начала она ластиться к любимому.

— Есть маленько, — устало улыбнулся сплетник, нежно поглаживая по волосам прильнувшую к нему девушку.

— Сейчас я тебя покрмлю и в постель! — Янка спрыгнула с его ко-

лен, метнулась к печке, отодвинула заслонку и начала выуживать оттуда заранее заготовленную снедь.

— Только вместе с тобой.

— С ума сошел?! День на дворе! А вдруг кто увидит?

Виталик рассмеялся. В некоторых вопросах Янка была страшной ретроградкой и категорически отказывалась заниматься любовью при свете дня, считая, что для постельных утех достаточно и ночи. В принципе ее можно было понять. Ее избранник стал в Великореченске такой значительной фигурой, что посольные от царя-батюшки да Василисы постоянно ломились в их дверь. И это не считая криминальных авторитетов Дона и Коцея, которые тоже не обходили вниманием Янкиного кавалера. А если учесть, что, кроме этого, сплетнику приходилось решать дела возглавляемой им структуры под названием ЦРУ (Царское Разведывательное Управление), утрясать вопросы вотчины своей боярской да дела редакционные и типографские, то о чем может быть речь? Ему на все это дня не хватало!

Янка выставила на стол перед Виталиком чугунок с гречневой кашей, все еще горячую сковороду с жареным мясом и графин наливки.

— Яночка, ты у меня просто золото, — умилился сплетник.

— Одну рюмку, не больше, — твердо сказала девица, собственноручно наполнила стопку и убрала графин, — чтоб напряжение снять и как следует выспаться. Тебе ведь вечером еще выпуск первого номера отмечать?

— А куда деваться? — поморщился юноша. — Честно говоря, я бы лучше это время с тобой провел, но ведь не поймут, черти. Скажут: на святое покусился, обмывку зажал.

— Ничего. Я тебе с собой оберев дам. На шею повесишь. И настойку специальную перед уходом выпьешь.

— Зачем?

— Чтобы не захмелеть сильно.

— Ты будешь просто золотая жена. Да что я говорю! Ты уже золотая жена! — Виталик опрокинул в себя стопку и попытался сцапать девчонку, но она с хохотом вывернулась из его рук.

— Куда лапы тянешь, постоялец? Как смеешь приставать к девице незамужней?!!

Показав Виталику язычок, озорница умчалась в свою светелку стелить «постояльцу» постель. Юноша с сожалением вздохнул и навалился на стряпню своей хозяйки, которая для него была одновременно и вчерашним ужином и сегодняшним завтраком, а заодно и обедом. С Ванькой Левшой они накануне так упарились в типографии, что забыли и о времени, и о еде.

После сытной трапезы Морфей окончательно одолел сплетника. Глаза слипались. Юноша едва доплелся до светелки Янки, скинул с себя одежду и мгновенно заснул, как только голова его коснулась подушки.

Сон был беспокойный. Его мучили кошмары. Лязг мечей, хрипы умирающих воинов, свист стрел, и он в самом центре дикой, яростной сечи с неведомым врагом. Внезапно в общую свалку врывается Янка в одной ночной рубашке. В руках ее ухват, которым она неловко отбивает направленные на него мечи. «Куда ты лезешь, дура?!» — в ужасе кричит сплетник. «Виталик! Уходи!!!» Янку сбивают с ног. Над ней поднимается окровавленный меч. Виталик, с ужасом понимая, что физически не успевает его отбить, прыгает вперед и падает на Вдовицу сверху, прикрывая ее своим телом. Кровавый туман застилает глаза, и сквозь него он различает неясную женскую фигурку, завернутую в сари. «Наконец-то я достучалась до тебя, воин мой. Слушай меня внимательно. Беда опять пришла на Русь, ломится в твою дверь. Береги женщин...» — «Что?!» — «Береги женщин!»

— А? Что? — подскочил сплетник.

Над ним стоял Васька, нетерпеливо тряся за плечо.

— Виталик, вставай. Стучатся.

— Кто стучится?

— Не знаю, но чувствую, что беда в дверь стучится. — Шерсть на загривке кота стояла дыбом. — Давай через окошко, потом через забор и бегом за Янкой.

— А где она?

— На базар за травками какими-то пошла.

И тут со стороны гридницы послышался тоскливый волчий вой.

— Да вставай ты скорей! — заволновался Васька. — Видишь, Жучок уже песню смерти запел.

— Чего городишь? — Спросонок соображалось туго. — Он что, под Акелу косит? Еще скажи, что рыжие собаки на наши джунгли напали. — Царский сплетник потряс головой, разгоняя сон, натянул на себя одежду, позевывая, спустился вниз и вышел через гридницу в сени, по дороге чуть не споткнувшись о трясущегося от страха Жучка, норовившего забиться под лавку.

— Куда тебя понесло? — простонал сзади кот. — Я ж сказал: в окошко, через забор и за Янкой!

— Да пошел ты, хвостатый!

В дверь действительно стучали. Робко, но настойчиво.

— Не открывай! — зашипел Васька.

Царский сплетник только отмахнулся, распахнул дверь и уставился на незваного гостя. Вернее, гостью. Перед ним, потупивши в землю взор, стояла девчушка лет шестнадцати с черными как смоль волосами, нервно теребя руками подол простенького сарафана. Виталий сразу понял, что она не местная. Скорее всего, прибыла в столицу из какой-то богом забытой деревеньки. Об этом красноречиво говорили торчащие из-под сарафана лапти. Великореченские представительницы прекрасного пола такой фасон давно уже не носили, предпочитая лаптям туфельки и сапожки.

— Здравствуйте, дяденька, — тихо сказала девушка, поднимая на Виталика огромные голубые глаза.

— И тебе здравия желаю, девица-красавица, — хмыкнул царский сплетник и увидел через ее голову Янку.

Хозяйка подворья возвращалась домой с базара. Издалека увидев гостью, Вдовица перехватила поудобнее свою корзинку с травками и ускорила шаг.

— Царский сплетник здесь живет? — спросила девушка.

— Здесь. По какому вопросу к нему, милая?

— Поговорить с ним надо.

— Говори. Я царский сплетник.

Запыхавшаяся Янка притормозила неподалеку и начала прислушиваться к разговору.

— Ой, барин, наконец-то я тебя нашла. — В глазах девчонки заблестели слезы.

— Да что случилось-то? — заволновался Виталик. — Ты кто такая?

— Лилия меня зовут. Холопка твоя.

— Какая холопка?

— Из вашей деревни.

— Какой деревни? — потряс головой Виталик. — Я всю жизнь в городе прожил.

Все-таки соображал сплетник спросонок еще туго.

— А разве царь-батюшка не тебе Заовражную изменность отдал?

— Мне.

— Значит, холопка я твоя. Деревенька-то моя в Заовражной изменности находится. С поклоном к тебе пришла. Защиты прошу.

— Защиты?

— Защиты. На деревню нашу напали. Всех убили. Одна я осталась. В лесу была, травки собирала, потому меня и не нашли.

Янка подошла к девице вплотную, выдернула из своей корзинки красный цветок.

— Это что? — требовательно спросила она Лилию.

— Бессмертник песчаный, тетенька, — робко сказала девушка. — От живота хорошо помогает и когда в боку сильно колет. А еще от лишая на коже...

— Ты чего свою подданную на пороге держишь? — накинулась на опешившего Виталика Янка. — В твоих землях беда. К тебе за помощью пришли, а ты рот раззявил, глазами хлопаешь. Барина крутого из себя разыгрываешь?

— Да нет, я...

— Проснись, дубина!

Янка схватила Лилию за руку и потащила ее в дом. Виталик еще раз потряс головой. Да, надо просыпаться. Закрыв за собой дверь, он прошел через сени во двор, поплескался под рукомойником и с уже более свежими мозгами вернулся в гридницу, где Янка развернула

бурную деятельность, накрывая на стол. А девчонка была голодна. С какой жадностью она набросилась на гречневую кашу, сдобренную молоком!

— Давно не ела, милая? — подсел к столу Виталик.

— Третий день, барин. — Девушка начала испуганно отодвигать от себя тарелку. — Но я не голодная. В лесу ягод много, орехов...

— Отвернись, бестолочь! — зашипела на Виталика Янка. — Не смущай девчонку. А ты ешь, не обращай внимания на этого обалдую. Все доедай. Я тебе еще положу. Знаю я, каково это три дня на одних ягодах...

Царский сплетник виновато вздохнул, деликатно отвернулся и стал ждать. Ждать пришлось недолго, так как от второй порции Лилия отказалась.

— А теперь давай подробно, — повернулся к ней Виталий. — Где твоя деревня находится, как называется, кто напал, когда напал? Выкладывай.

— Из Подберезовки я, — еле слышным голосом сказала девица. — Деревня наша так называется.

— Это недалеко от Засечного Кряжа? — насторожилась Янка. — Где тролли обосновались?

— Да. Но они нас не трогают. Они хоть и глупые, но всех наших знают и договор блюдут. И гномы нас не трогают. Они тоже на Засечном Кряже живут, руду в горах добывают. И эльфийский лес рядом. Мы с эльфами дружно живем. Только я ни одного из них не встретила, пока до Великореченска добиралась.

— О нападении расскажи, — направил разговор в нужное русло Виталик.

— Я из леса возвращалась, когда из деревни крики услышала. Спряталась в кустах. Долго там сидела. Уже кричать перестали, а я все сидела. Испугалась очень. Потом, как стемнело, в деревню пошла, а там все мертвые. И мамка мертвая, и папка, и сестренки младшие с братишкой мертвые лежат, и старосту убили, и... и... всех убили. А тебя, барин, не было. Некому нас было защитить. Всех уб-и-или-и-и... — Лилия зарыдала в голос.

Виталик скрипнул зубами и попытался погладить черные как смоль волосы девчонки, но Вдовица зыркнула на него таким злым взглядом, что он поспешил отдернуть руку и правильно сделал. Янка сама взялась за подданную своего постояльца и начала утешать ее, что-то ласково шепча деревенской травнице на ушко. Это помогло. Как только Лилия немножко успокоилась, Виталий задал самый главный вопрос:

— Нападавших видела?

Все еще всхлипывающая девчонка кивнула головой.

— Видела. Они пролетали надо мной, когда из деревни возвраща-

лись. Хорошо, что я в кустах пряталась. Сквозь листву меня не заметили.

— Пролетали? — нахмурилась Янка. — И кто это был?

— Вампиры.

— Твою мать! — грохнул кулаком по столу Виталик, заставив Лилию съежиться от испуга. — Удружил Гордон с владениями. Только проблем с вампирами мне до кучи не хватает.

Царский сплетник встал из-за стола и направился к лестнице, ведущей в покои хозяйки подворья.

— Ты куда? — тревожно спросила Янка.

— Народ поднимать.

— А что в моей светелке твой народ забыл?

— Народ там ничего не забыл, — сердито буркнул Виталик, остановившись на полпути, повернулся, покосился на Лилию. — А вот кто-то, не буду говорить кто, решил почистить мою шубу с царского плеча и шапку боярскую, а вернуть их хозяину забыл.

— Ох, прости, боярин светлый, прислугу свою неповоротливую, — язвительно сморщила носик Янка. — Ладно, сиди уж, сейчас принесу.

Девушка выскочила из-за стола, вихрем пронеслась мимо царского сплетника, взметнулась вверх по лестнице и скрылась в своей светелке. О том, что они, невенчаные, уже больше месяца живут как муж и жена, знали лишь Гордон с Василисой да Васька с Жучком. Для всех остальных это была тайна за семью печатями, и не было смысла эту тайну раскрывать посторонним.

3

К приходу Виталика в трактире «У Трофима» уже все было готово. Длинный ряд сдвинутых вместе столов радовал душу обилием выпивки и закуски. Но еще больше порадовало царского сплетника то, что его доблестная свита, щеголявшая в новеньких зеленых камзолах, ни к тому, ни к другому не притронулась, ожидая главного виновника торжества. Во главе стола было установлено сразу два кресла, одно из которых явно предназначалось для Виталика, а второе для Ваньки Левши — главного технического исполнителя гениальных задумок царского сплетника.

— Кэп пришел!!! Ура!!! — ринулась к царскому сплетнику восторженная толпа.

— Качать его!!!

Волна энтузиазма сразу схлынула, когда бывшие пираты увидели мрачное лицо Виталика.

— Что случилось, капитан? — заволновался Семен.

— Боюсь, что праздник отменяется, — хмуро буркнул Виталик, по-

смотрел на расстроенные лица своей свиты и невольно усмехнулся. — Ладно, быстро все к столу, но водки не касаться.

Команду бывшие пираты выполнили молниеносно. Виталик лично наполнил свой кубок вином. Его свита повторила маневр. Царский сплетник особо не распинался.

— Ну, за первый выпуск нашей газеты, — провозгласил он емкий тост.

Все дружно выпили.

— На этом официальную часть программы будем считать законченной, — обрадовал друзей юноша. — А пока закусьваем, я хочу, чтобы сотник доложил мне о том, как идут дела в наших землях. Что нового в Заовражной низменности, Семен?

— Да все, как обычно, — пожал плечами бывший боцман.

— Уверен?

— Кракеном клянусь, все нормально. Чтоб меня селедка съела! Я часа два назад с ребятами оттуда вернулся, на чествование твое спешил. Эльфы в лесах трудятся, гномы в Засечном Кряже трудятся, даже тролли трудятся. Гномам породу крушить помогают, а эльфам лесины, на которые они указывают, валят и к Великой реке оттаскивают, к сплаву готовят. Все при деле, все нормально.

— Да нет, ребятушки, не нормально. Проблема в моей вотчине организовалась. Уже три дня назад организовалась, а мы о ней до сих пор не знаем. Плохо у нас в Заовражной низменности связь с отдаленными деревеньками работает.

— Почему плохо? — обиженно насупился Семен. — Мы за этот месяц все деревни объездили, перепись населения сделали, как ты велел. Старост предупредили: ежели какие проблемы возникнут, чтоб гонца к чертовой мельнице слали.

— А если некому будет гонца слать? — мрачно спросил Виталик.

— Не понял, — нахмурился Семен.

— Если вырезали всех, вернее, выпили...

— В смысле, как выпили? — оторопел Семен.

— В смысле, вампиры выпили. Всю кровь до последней капельки из холопов моих верных высосали. Кто в таком случае к чертовой мельнице побежит? — нейтральным тоном спросил сплетник.

Все замерли.

— Какую деревню вырезали? — побелел Ванька Левша.

Юноша кинул на него сочувственный взгляд. Старшая сестра кузнеца Мария, командовавшая артелью каменщиков и плотников, и племянница Даренка, взявшая на себя функции стряпухи, работали над возведением церкви неподалеку от чертовой мельницы, где располагались рабочие цеха целлюлозно-бумажного комбината и стихийно организовавшийся при нем рабочий поселок.

— Подберезовку, — успокоил его Виталик.

Кузнец облегченно выдохнул.

— Кощей появлялся? — спросил сплетник.

— Еще нет, — ответил Семен.

— А Дон?

— И Дон не появлялся.

— Да-а-а, не заладился сегодня день, — пробормотал царский сплетник, — сначала Гордон мне всю малину изгадил, не дал гниду боярскую по полной программе раскрутить, а теперь еще и это известие. Так что, ребяташки, наедайтесь впрок и готовьтесь в дорогу. Через полчаса выход.

— Ты куда, постреленок?!!

Шум возле входной двери заставил всех повернуться. Хозяин заведения Трофим попытался перехватить рвущегося внутрь питейного заведения шустрого вихрастого мальчонку лет семи, но тот ловко увернулся и, мелко топоча босыми пятками по деревянному настилу пола, вихрем пронесся к креслу, в котором сидел Виталик.

— Дяденька царский сплетник, дай копеечку.

— Это с какой еще радости? — невольно улыбнулся юноша.

— Дай!

— А что будет, если не дам? — заинтересовался Виталик.

— Тогда и я тебе не дам. — Парнишка выудил из-за пазухи грязной рубахи сложенный четверо лист бумаги. — Дяденька сказал, что ты мне за него копеечку дашь.

— А может, полушку? — прищурился Виталик.

— Не-э-э, полушку я с дяденьки за письмо получил, а с тебя копеечку возьму.

— За что ж такая немилость?

— Так ты ж царский сплетник, — шмыгнул носом мальчонка, — у тебя, чай, казна поболее, чем у Гордона, будет.

Несмотря на трагические известия, бывшие пираты грохнули, заставив задрожать стены трактира.

— Держи, коммерсант. — Виталий выудил из кармана мелкую серебряную монету и сунул ее в руки обалдевшего от такого счастья пацаненка.

Шлепнув на стол перед царским сплетником письмо, он вихрем вылетел из трактира.

Царский сплетник развернул лист и начал вчитываться в неровные строчки, написанные корявыми печатными буквами.

«Если хочешь узнать, что в твоих землях творится, приходи один в Лебяжий переулочек через пятнадцать минут. Дольше ждать не буду. Если с собой кого приведешь, разговора не получится. Время пошло. Доброжелатель».

Виталий убрал письмо в карман, прикрыл глаза и на мгновение задумался. Кто бы ни был этот «доброжелатель», человек он явно неглупый. Времени выделил в обрез, чтобы сплетник не успел нащиповать окрестности своими людьми. И место выбрал глухое. Лебяжий пере-

улок находился в Нижнем граде, за кварталом, в который любили заглядывать холостяки к девочкам мадам Ньюры. Место достаточно глухое, народу там ходило мало, а вот скрыться от нежелательного преследования проще простого. Здесь есть только два варианта: либо он действительно нарвался на тайного доброжелателя, желающего вступить с ним в контакт и слить какую-то важную информацию, либо его заманивают в засаду.

Виталик прикусил губу. Проблема почти как у Гамлета. Идти или не идти? Царский сплетник извлек из кармана монету. Может, кинуть? А-а, к черту! В его землях люди гибнут, а он тут монетками забавляется.

— Планы меняются. — Царский сплетник поднялся из-за стола. — К выходу быть готовыми через час. Ждите меня здесь.

— А ты куда, шеф? — тревожно спросил Семен.

— Дело одно есть. До моего прихода сохрани. — Юноша скинул на руки бывшего боцмана боярскую шапку и шубу с царского плеча, поправил на перевязи пистолы огненного боя и двинулся к выходу. — За мной никому не ходить, — предупредил он свою команду уже в дверях и покинул трактир.

4

Это все-таки была засада. Виталик даже застонал от огорчения, когда услышал треск плетня и грузный топот за своей спиной. Через забор соседнего подворья, который он только что миновал, перемахнули сразу три бородатых мужика, и двое из них начали вытаскивать из-за голенищ ножи. А спереди дорогу перегородил до боли знакомый Виталию боярин с группой поддержки в виде еще четырех мужиков, вооруженных чем попало. Судя по всему, на дело работники ножа и топора собирались в спешке, так как два бородача по правую и левую руку от боярина сжимали в руках вилы, а один из тех троих, что были сзади, вообще догадался прихватить с собой косу.

— Ну что, допрыгался? — улыбнулся боярин Надышкин.

— Нет, доскакался, — проклиная себя за дурость, пробормотал юноша, выхватывая пистолы.

Царский сплетник привычно вошел в режим боя. Грохот одновременно выстреливших пистолей огласил переулок. Мужики с вилами рухнули на землю, а отдача отшвырнула Виталика назад, прямо в объятия мужика с косой, в которого он вляпался как раз в момент его замаха, да так удачно, что свернул ему своим затылком челюсть. Коса перекочевала в руки царского сплетника.

— Три : ноль в мою пользу. А ты, боярин, — дурак, — радостно сказал Виталик, заряжая черенком косы под дых бородатому организму, пытавшемуся воткнуть в него сзади ножичек. — Ну, повезло тебе, су-

мел удрать, так какого черта здесь делаешь? Я ж этих придурков сейчас разделаю под орех и непосредственно тобой займусь.

— Убить! — приказал Надышкин.

— А самому слабб? — насмешливо спросил юноша, делая энергичный замах косою, который заставил отшатнуться последнего оставшегося на ногах за его спиной мужика, и с ходу, с разворота, нанес ему сокрушительный удар между ног.

— Оу-у-у... — простонал мужик, согнулся пополам, выронил нож и рухнул на землю, схватившись руками за причинное место.

Путь отступления был свободен, но царский сплетник и не соби-рался убежать. Теперь, когда противников осталось всего трое, это было просто смешно.

— Где ты таких пентюхов себе в охранники нанял? — поинтересовался Виталик, надвигаясь на боярина Надышкина. — А-а-а... понял, не нанял. Наверняка эти людишки с твоего удела оброк в город привезли, и ты их, неразумных, под уголовную статью сразу подвел. А они хоть знают, что их бежавший из тюрьмы боярин есть государственный преступник? Знают, что оказание помощи изменнику, покушавшемуся на жизнь царя-батюшки, карается смертью? Мужики, вы попали. Вам всем теперь плаха грозит.

Мужики начали стремительно бледнеть.

— Да кого вы слушаете? — подбоченился Надышкин. — Гниду ху-дородную! Иноземца, нехристь поганую. Убить мерзавца!

Что-то неестественное почудилось сплетнику в тоне боярина. Фальшивило от него капитально.

— Убить, говоришь? — пробормотал юноша, перехватывая косу поудобнее. — И как ты это сделаешь?

Оставшиеся на ногах мужики переглянулись, бросили на землю свои ножи, перепрыгнули через забор и рванули наутек под заливи-стый лай собак, бросившихся ловить нарушителей границ частного подворья.

— Кстати, боярин, спасибо за записку, — улыбнулся Виталик. — Очень любезно было с твоей стороны проинформировать следствен-ные органы о своем местонахождении. А то лови тебя потом по всей Руси. Суд учтет это при вынесении приговора.

— Только тебя на вынесении этого приговора не будет!

Боярин выудил из-за пояса пистоль и навел его на царского сплет-ника. Это уже была серьезная заявка на победу, а потому сплетнику пришлось срочно менять тактику боя.

— Слышь, болезный, а ты уверен, что он у тебя заряжен?

— Уверен, — успокоил его Надышкин.

— А я бы на твоём месте проверил. Вдруг курок не взведен!

Боярин невольно перевел взгляд на свой пистоль.

— Взведен.

— Взведен-то он взведен, а пистолет все равно не выстрелит.

— Почему?

— Порох отсырел. Я даже отсюда вижу, как из дула вода капает. Он все-таки сумел запудрить боярину мозги.

— Не может быть.

Надышкин развернул в другую сторону пистоль и заглянул в дуло. Остальное было делом техники. Отбросив в сторону косу, Виталик одним прыжком сократил разделяющее их расстояние и вцепился в пистоль, выворачивая вместе с ним руку боярина в сторону, так как он нужен ему был для допроса живой. Он услышал за спиной дробный топот сапог и краем глаза в процессе борьбы увидел вваливающуюся в проулок толпу стрельцов, спешащую сюда на выстрелы и шум драки.

— Не стрелять! — крикнул он. — Я...

Грохнул выстрел. Грузное тело Надышкина содрогнулось, глаза боярина расширились.

— За что? — просипел он, оседая на землю. — Мы же с тобой договаривались...

— О чем? — опешил царский сплетник, опускаясь рядом с умирающим на колени.

— Ты ж сам мне ответ правильный подсказал, — с трудом выдавил из себя боярин, держась за простреленную грудь, — про сай этот, будь он неладен. Ты ж сказал, что царице-матушке угрожают, сцену разыграть надо, чтоб злодея споймать. Что ж ты делаешь? Я тебе поверил... ты ж меня сам из тюрьмы выпускал...

В горле боярина забулькало, изо рта хлынула кровь, и тело Надышкина обмякло.

— Сплетник, я что-то не понял, чем он тебе помешал? — услышал юноша удивленный голос Дона.

Виталий поднял голову, и за спинами окруживших место трагедии стрельцов увидел криминального авторитета Великореченска.

— Не городи чепухи! — раздраженно буркнул юноша. — Это не я стрелял. Не видишь, что ли, даже курок не спущен, — тряхнул Виталик пистолем и уставился на спущенный курок. — Не может быть! Я бы почувствовал отдачу! — Царский сплетник взвел курок повторно, опустил дуло в землю и надавил на спусковой крючок.

Курок тихо щелкнул, высекая искры, но выстрела не последовало.

— Да ладно, не парься, — хмыкнул Дон. — Мы ж все понимаем, самооборона. Все подтвердят, зуб даю!

Однако по настороженным взглядам стрельцов Виталик понял, что эту версию никто подтверждать не собирается. Юноша внимательно посмотрел на Дона. Лицо великореченского криминального авторитета, как всегда, было закрыто белой маской, сложенные руки на груди, черный плащ, небрежно накинутый на плечи поверх белоснежного камзола, артикуляция губ, моторика, особенности речи — внеш-

не все говорило, что перед ним именно Дон, и все же что-то было не так.

— Ты как здесь оказался? — поинтересовался юноша.

— Шел мимо. Тебя, кстати, поздравлять шел в трактир «У Трофима», а тут выстрелы, ну, мне и стало любопытно.

— Так, — Виталик строго посмотрел на стрельцов, — тащите всю эту гоп-команду, — указал он на разбросанные по проулку тела, — к воеводе. Что делать с мертвыми, пусть сам разбирается, а вот с живых пусть допрос снимет. Исполнять!

Стрельцы, все так же недоверчиво косясь на царского сплетника, подняли с земли убитых и раненых и потащили их к стрелецкому воеводе.

— Как ты их вышколил, — одобрительно кивнул Дон. — Даже сейчас навытяжку перед тобой стоят, любой приказ исполняют. Завидую. Так что, идем праздновать?

— Прошу прощения, Дон, но праздник отменяется. Вернее, откладывается на неопределенный срок. Сам видишь, возник ряд проблем, которые мне надо срочно утрясти.

— Да? Странно. У Кощера тоже какие-то трудности вдруг появились. Ладно, подождем. До встречи, сплетник.

Виталий проводил Дона задумчивым взглядом; когда он исчез за поворотом, подобрал с земли свои разряженные пистолеты, сунул их за перевязь и направился в обратный путь. На душе скребли кошки. Кажется, он крупно попал. Сначала дурная выходка царя-батюшки на утреннем заседании боярской думы обломала ему тщательно продуманную операцию по вычислению «крота» в думе и дальнейшую его разработку, а потом вдруг выясняется, что главный злодей-то — царский сплетник. Он боярина во все тяжкие пуститься заставил. Вот это номер! Теперь события понесутся вскачь, а он еще не свел концы с концами. Однако надо поторопиться.

Миновав ворота, отделяющие Средний град от Верхнего, царский сплетник свернул на улицу, ведущую к трактиру. Дорога шла мимо родного дома, и он уже издали увидел довольно солидную толпу, судя по одежде, состоящую из кушцов и посыльных от иноземных послов. Толпа внимательно слушала напوماженного господина, наряженного в одежду приказчика. Как ни торопился Виталик, но встречаться с надоедливыми просителями ему не хотелось, и он свернул с прямого пути, нырнув в ближайший проулок, чтобы зайти к подворью Янки Вдовицы с тылу, но невольно затормозил, когда до него дошло, о чем вещает приказчик.

— Повторяю еще раз, господа, царский сплетник — человек занятой, а потому принять сможет не всех, а только самых достойных. Ну, а уж кто из вас самый достойный, будет решать его управляющий, — указал приказчик на важного тучного господина, перегородившего дорогу к дверям парадного входа подворья Янки Вдовицы.

СРОЧНО В НОМЕР

*О трилогии Олега Шелонина, Виктора Баженова
«Царский сплетник»*

Журналистская судьба такая —
Находиться на переднем крае.

Б. Ласкин

Как известно, профессия журналиста весьма нелегка. Особенно такого, который специализируется на криминальных новостях. Эта работа во многом схожа с ремеслом полицейского или частного детектива с той разницей, что слуги закона не любят делиться полученными данными с общественностью, а журналист старается во что бы то ни стало донести информацию до публики. И за это свое стремление получает не только награды, но и оплеухи, попадая во всевозможные переделки. Вот как, например, Виталий Алексеевич Войко — главный герой трилогии Виктора Баженова и Олега Шелонина «Царский сплетник».

Соавторам вообще близок криминальный жанр. В той или иной мере элементы детектива присутствуют во многих их циклах (в том же «Лукоморье» или «Ликвидаторе»). Но в «Царском сплетнике» они поданы под несколько иным соусом. Не сказать, чтобы неожиданным. Детектив, где главным героем выступает журналист, расследующий головоломные преступления, — не новая фигура для мировой литературы, хотя встречается не так уж и часто. Больше «повезло» в этом плане кинематографу, где рыцари пера нередко выходят один на один против представителей преступного мира. Очевидно, прообразом Виталия Войко послужил один из таких киногероев. А именно журналист Фандор из французского комедийно-криминального сериала шестидесятых годов «Фантомас», который гонялся за злодеем, прчущимся под различными масками.

Действительно, «Царский сплетник» некоторыми сюжетными ходами очень напоминает «Фантомаса». Прежде всего обилием персонажей, носящих личины. Таинственная Хозяйка, криминальный авторитет Дон, ассасины. Под маской скрывается немецкий посол Вилли Шварцкопф, личины надевают кот Василий и оборотень Жучок, да и сам Виталий время от времени натягивает личину своего якобы «брата-близнеца» Женька. Маскарад, да и только. Карнавальность, буффонада присущи всему этому циклу Шелонина и Бажено-

ва. А еще легкая полемика, объектом которой выступает знаменитый цикл Андрея Белянина «Тайный сыск царя Гороха».

Так, уже имя государя, при дворе которого подвизался царский сплетник, созвучно с именем легендарного Гороха (плюс частичка от пушкинского царя Дадона, волочившегося за шемаханской царицей, которая также присутствует в трилогии). Есть здесь и Кошей Бесмертный, в отличие от белянинского не такой уж и плохой. Соавторы даже прямо выражают свое «несогласие» с тем, что астраханский фантаст сделал «русского» Кошея покровителем иноземной нечисти. Имеются и Баба-яга в юной ипостаси, и говорящий кот, и черти, и шемаханы. Ну и разумеется, собственный аналог Тайного сыска, Царское разведывательное управление.

Да и дела, расследуемые царским сплетником, очень напоминают те преступления, которые раскрывает бравый лейтенант Никита Ивашов. В особенности это справедливо в отношении «Заговора темной мессы». Виталий Войко, как истинно русский герой, выступает на страже не только самодержавия и народности, но и третьей части знаменитой уваровской триады — православия, спасая Русь от угрозы окатоличивания. Католицизм с его иезуитами, инквизицией и аутодафе органически чужд русскому менталитету. А вот православие, родившееся на границе Запада и Востока, намного ближе нашему народу. Виталий Войко — это человек, верующий стихийно. Он носит на груди крест, но в принципе особо не заморачивается вопросами веры и обрядности. Как и большинство его современников, вышедших из социалистически-атеистического общества. Его вера — причудливая смесь язычества и христианства. Не случайно его выбрала в рыцари индуистская богиня Парвати, а сам он спокойно общается с индийским Шивой, славянскими Кошеем и Бабой-ягой. При этом думая об организации православных церквей, приютов и богаделен, а также об издании дешевых Библий для простонародья. И при ярко выраженном сребролюбии не желает наживаться на Русской православной церкви.

Однако главное в царском сплетнике не религиозное рвение, в конце концов подвигнувшее его на великую жертву во имя любви и отечества, а другие национальные черты, свойственные русскому народу. Виталий обладает недюжинной энергией, сопряженной со смекалкой и предприимчивостью. В его мозгу то и дело рождаются новые проекты, реализация которых несет пользу как ему лично, так и государству, которому он служит. В этом отличие героя Шелонина и Баженова от его классического предшественника — янки из Коннектикута. Вмешательство персонажа Марка Твена в жизнь артуровской Англии приводит к резкому отторжению его от исторической реальности. Царский же сплетник совершенно безнаказанно и безболезненно перепахивает реалии сказочной Руси и оказывается в выигрыше. В этом коренное отличие сатирической фантастики от фантасти-

ки юмористической, где все социальные конфликты сглажены, а дружеский шарж и беззлобная полемика только задают более веселый тон повествованию.

Разумеется, Виталий сразу же пытается работать «по специальности». Сам титул «царского сплетника» происходит от обыденного восприятия журналистской профессии как умения собирать сплетни и копаться в грязном белье. Войко стремится организовать на Руси царя Гордона газетное дело, а вместе с ним и книгопечатание, до которого в этом мире еще не додумались. Для этого он «изобретает» печатный станок, наборный шрифт, налаживает выпуск недорогой бумаги, чернил и карандашей. Да и ведет герой себя так, как и положено нормальному современному криминальному репортеру. Публикует ложные объявления, разоблачает в статьях коррупцию власть имущих. А заодно переодевается, проникает в преступные круги, участвует в криминальных разборках, постепенно втягиваясь в большую политику и превращаясь из работника пера в рыцаря плаща и кинжала. Не случайно плащ постоянно фигурирует в качестве его экипировки, заменяя то современный костюм, то боярскую шапку и горностаевую шубу с царского плеча.

Переодевания, маскировка, игра становятся неотъемлемой частью натуры героя. Он фиглярствует и веселится от всей души, иногда доводя ситуацию до абсурда. И все ему сходит с рук. Не иначе, в сорочке родился, сказали бы о Виталике наши предки. Даже боги дивятся такой удачливости царского сплетника и... помогают ему. Возможно, потому, что царский сплетник воплощает принцип разумного эгоизма, ставший на Руси идеалом жизненной позиции: «Живешь и дай жить другим». А вот все враги и злодеи в трилогии думают лишь о собственном величии и обогащении, что противно законам божьим и человеческим. Оттого и неизменно проигрывают Виталию.

Характерно, что в этой трилогии, относящейся уже к зрелой поре творчества Шелонина и Баженова, удачным вышел не только главный герой, но и большинство окружающих его персонажей. Живыми и яркими получились царь Гордон с царицей Василисой Прекрасной, сплетникова невеста Янка Вдовица с развеселой компанией домашних оборотней-охранников, стрелец Федот, бояре, Кошей Бессмертный и пиратская ватага Виталика. А вот со злодеями, как ни странно, вышло наоборот. Ни дон Хуан де Аморалис, ни шемаханская царица, ни Лилит, ни Дон не могут потягаться с положительными персонажами по части колоритности и уровня типизации. Неудивительно, что силы Зла в «Царском сплетнике» постоянно терпят поражение. Как и положено в старой доброй русской сказке.

Трилогия Шелонина и Баженова, несмотря на ее явно сказочный, авантюрно-приключенческий характер, учит читателя серьезным ве-

шам. Прежде всего бесстрашию, принципиальности, умению отстаивать свою точку зрения и свои права. Такими качествами должен обладать не только настоящий журналист, каковым является Виталий Войко, но и большинство людей вообще. А еще история о царском сплетнике пронизана ярко выраженной любовью к Родине. Сказочная Русь становится малым отражением Руси Великой с ее городами богатыми, реками полноводными и народом-богатырем. Такую державу и таких людей никакое лихо не одолеет.

Игорь ЧЕРНЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ЦАРСКИЙ СПЛЕТНИК	7
ЦАРСКИЙ СПЛЕТНИК И ШЕМАХАНСКАЯ ЦАРИЦА	267
ЦАРСКИЙ СПЛЕТНИК И ДОЧЬ ТЬМЫ	511
<i>Игорь Черный. Срочно в номер. О трилогии Олега Шелонина, Виктора Баженова «Царский сплетник»</i>	<i>724</i>